

с Д. Шамиссо
НЕОБЫЧАЙНЫЕ ПРИКЛЮЧЕНИЯ
ПЕТЕРА ШЛЕМИЛЯ

Адельберт Шамиссо
НЕОБЫЧАЙНЫЕ
ПРИКЛЮЧЕНИЯ
ПЕТЕРА ШЛЕМИЛЯ

ПОВЕСТЬ

Перевод с немецкого
И. Татариновой

Государственное издательство
ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
Москва 1955

СОДЕРЖАНИЕ

Шамиссо и его «Петер Шлемиль». <i>Г. Слободкин</i>	3
Юлиусу Эдуарду Гитцигу. <i>Адельберт фон Шамиссо</i>	11
Моему старому другу Петеру Шлемилю. <i>Адельберт фон Шамиссо</i>	13
Необычайные приключения Петера Шлемиля	15
Примечания <i>Е. Эткинда</i>	69

МАССОВАЯ СЕРИЯ

Адельберт Шамиссо
Необычайные приключения Петера Шлемиля

Редактор *Б. Арон*. Художник *Н. Ильин*
Художественный редактор *А. Ермаков*. Технический редактор *И. Татарский*
Корректор *О. Ладышкина*

Сдано в набор 3/IX 1955 г. Подписано в печать 9/XII 1955 г. А-06187. Бумага 84×106¹/₃₂ — 4,5 печ. л. = 3,29 усл. печ. л., 3,62 уч.-изд. л. Тираж 240 000 экз. Заказ 368. Цена 90 коп.

Гослитиздат, Москва В-66, Ново-Басманная, 19.

Министерство культуры СССР. Главное управление полиграфической промышленности.
2-я типография «Печатный Двор» им. А. М. Горького. Ленинград, Гатчинская, 26.

ШАМИССО И ЕГО «ПЕТЕР ШЛЕМИЛЬ»

Адельберт Шамиссо принадлежит к числу наиболее оригинальных и популярных немецких писателей прошлого века, прогрессивное творчество которых близко и сегодня демократическим силам Германии и всего мира.

Шамиссо родился в 1781¹ году, во Франции. Он происходил из старинного дворянского рода. Когда будущему писателю исполнилось пятнадцать лет, семья Шамиссо эмигрировала в Германию. Эта страна стала его второй родиной. По настоянию родственников royalлистов молодой Шамиссо сначала был лажем прусской королевы, а затем поступил на военную службу.

Германия тех лет переживала мрачную пору, которую Энгельс назвал порой «полного крушения государственного строя, совершенно чуждого народу, основанного на лжи и обмане»¹.

Политически раздробленная, экономически отсталая страна в конце XVIII — начале XIX века оказалась объектом завоеваний буржуазной Франции. Разгромив в 1805—1806 годах Австрию и Пруссию, Наполеон стал безраздельным властелином Германии.

Шамиссо пережил трагедию национальной катастрофы: будучи офицером, он явился свидетелем капитуляции прусской армии.

Питая отвращение к прусской военщине, будущий писатель добивается отставки. В это время он с увлечением занимается литературой. С группой берлинских литераторов (Фарнгаген фон Энзе, де ла Мотт Фуке и др.) он создает поэтический кружок «Союз полярной звезды» и редактирует в 1804—1806 годах журнал «Альманах муз».

Уже в своих ранних стихах молодой поэт выступает как выразитель дум и надежд той лучшей части передовой немецкой интелли-

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. XVI, ч. I, М. 1938, стр. 303.

генции, которая, испытав благотворное влияние французской буржуазной революции 1789 года и идей Просвещения, не была удовлетворена немецкими феодально-бюрократическими порядками. В стихотворении «Ночь и зима» поэт иносказательно говорит о реакции как о долгой холодной ночи, сковавшей все живое, и с нетерпением ожидает «рассвета и весны». В стихотворении «Кошачья натура», написанном в форме народной песни, он обрушивается на сословную юнкерскую спесь, рисуя дворянина хищником и притеснителем маленького простого человека. К этому же периоду относится ряд злободневных эпиграмм, запрещенных цензурой.

Вскоре после отставки Шамиссо поступает в Берлинский университет на медицинский факультет и посвящает себя изучению давно любимых им естественных наук.

Освободительные антинаполеоновские войны 1813—1814 годов нашли в Шамиссо своего горячего сторонника.

Патриотическое воодушевление, охватившее демократические слои немецкого народа, подъем национального самосознания побудили Шамиссо, как поэта, обратиться к богатейшим источникам немецкого народного творчества. Это ярко проявилось в его последующих произведениях и особенно в знаменитой повести «Необычайные приключения Петера Шлемиля».

Но победоносные войны не привели к освобождению немецкого народа. Поверив лживым обещаниям юнкерства и правительства Германии, суливших немцам конституцию после изгнания французов, народ воевал против врага в союзе с дворянством, но был бесстыдно обманут. Разгул реакции Священного союза, самым жестоким проявлением которой явились решения Венского конгресса (1814—1815 гг.) и Карлсбадские постановления 1819 года, превратил Германию в подлинный каземат и принес Шамиссо новые разочарования.

Отвращение к реакции, наступившей в Европе после падения Наполеона, отсутствие возможностей в этих тяжелых условиях сделать что-либо для своего народа побудили Шамиссо, не видевшего для себя иного выхода, на время покинуть Германию. В 1815 году он получает место натуралиста на русском корабле «Рюрик», отправлявшемся в кругосветную экспедицию.

Это путешествие, длившееся три года, имело важное значение для духовного развития Шамиссо. Оно обогатило его научные познания и сделало его видным ботаником и этнографом. Оно сильно расширило и политический кругозор писателя. Во время экспедиции Шамиссо изучал русский язык и благодаря этому познакомился с русской культурой.

Плодом его путешествия явился увлекательный дневник «Путешествие вокруг света».

Подобно своим идейным предшественникам, радикальным писателям-демократам Форстеру и Готфриду Зойме, Шамиссо выступает против работорговли и расовой дискриминации угнетенных народов, обличает в своей книге колониальную политику и особенно гнусную роль европейских миссионеров.

Глубокую симпатию писателя вызывают свободолобивые русские матросы, у которых условия крепостного рабства не смогли вытравить высокого сознания человеческого достоинства.

В 20-х годах, особенно со второй половины, начинается расцвет поэтического творчества Шамиссо. В его стихах все большее место занимают социальные темы.

Промышленный подъем 20—30-х годов вызывает в Германии рост оппозиционного бюргерского движения. Рядом с либеральной буржуазной оппозицией, не идущей дальше требований конституционной монархии, развивается и мелкобуржуазный радикализм, виднейшим представителем которого в литературе выступает Людвиг Берне, беспощадно разоблачавший феодальные порядки, филистерство и трусость немецкого бюргерства.

Демократическое движение в Германии активизируется и под влиянием борьбы народов Европы против реакции Священного союза. Революции в Италии, Испании, восстание декабристов в России и, наконец, борьба греков против турецкого ига находят живейший отклик в умах передовых немцев того времени, вселяя в них уверенность в том, что час свободы не за горами. Подобные чувства владели в это время и Шамиссо, сердце которого, по словам Г. Гейне, «так чудесно помолодело за последнее время, что он перешел к совершенно новым тональностям, проявил себя как один из самых своеобразных и значительных современных поэтов и гораздо больше принадлежит молодой, чем старой Германии»¹.

Поэзия Шамиссо, как и все его творчество, относится к прогрессивному направлению немецкого романтизма, которое в начале века отразило недовольство демократических масс наполеоновским игом и подъем национального сознания. В прогрессивном романтизме живет глубокая неудовлетворенность обстановкой феодальной реакции в Германии и возмущение жандармской политикой Священного союза.

В отличие от реакционных немецких романтиков, вставших на защиту старого патриархального уклада, Шамиссо разоблачает средневековые и феодальные отношения. В таких стихотворениях, как

¹ Г. Гейне. Полн. собр. соч., т. VII, М. — Л. «Academia», 1936, стр. 295.

«Люди из Цобтенберга», «Руина» и др., феодальные времена предстают как мрачная пора междоусобиц и разбоя, а рыцарское сословие осуждается как нечто отживающее, уходящее в прошлое. Писатель приветствует французскую буржуазную революцию 1789 года и благословляет пахаря, которому ныне принадлежит земля бывших графов Шамиссо («Замок Бонкур»).

Наиболее острые сатирические стихотворения Шамиссо, близкие по духу политической лирике Гейне, обличают прусские порядки, демагогию немецких правителей и слепое повиновение немецких бюргеров («Золотое время», «Портновское мужество», «Винпергские женщины» и др.).

С глубокой симпатией относится поэт к обездоленному труженнику, горячо сочувствуя его тяжелому положению и восхищаясь его моральной чистотой и стойкостью (две песни о старой прачке, «Ничий и собака», «Молитва вдовы», «Отравительница»). В этих стихах он гневно клеймит силу золота и современное ему общество, основанное на праве богатого и сильного.

Как прогрессивный романтик-демократ, Шамиссо воспевает освободительное движение народов Европы. Мужественная борьба греков против турецкого ига нашла отражение в его поэме «Хиос», в стихотворении «Георгис».

Живо волновала Шамиссо и судьба декабристов. Он переводит на немецкий язык отрывок из поэмы Рылеева «Войнаровский», в котором звучит пламенное свободолюбие и жгучая ненависть к самодержавию. В стихотворении «Бестужев» поэт создает полный драматизма образ не покоренного сибирской каторгой декабриста.

Горячо откликнулся Шамиссо и на события Июльской революции во Франции, приветствуя изгнание Карла X.

Не будучи революционером, не имея ясной политической программы, Шамиссо, однако, всегда был убежденным сторонником прогресса и в своих стихах выразил веру в конечное торжество светлого будущего. Это отчетливо звучит в стихотворении «Увещевание» и сонете, посвященном Шиллеру, где он, обращаясь к реакционным силам, стремящимся воскресить старые феодальные учреждения, восклицает:

О нет, напрасно к этому стремиться, —
Движенья времени не удержать!
Заря зажглась, чтоб черный мрак прогнать,
Неудержима солища колесница.

Вы закрываете свои глаза и уши,
Дрожу за вас, слепой и глупый род!
Неясных голосов вы не хотите слушать,
И времени не слышите вы ход.

Как поэт он является прямым предшественником немецких поэтических лириков 40-х годов; некоторые из них видели в лице Шамиссо своего первого поэтического наставника (Гофман фон Фалерслебен, Ф. Фрейлиграт).

Шамиссо умер в 1838 году, в расцвете творческих сил.

* * *

«Необычайные приключения Петера Шлемиля» — наиболее прославленное произведение писателя и вместе с тем одно из лучших произведений прогрессивного немецкого романтизма.

Две темы, тесно связанные между собой, ярко выделяются в этой небольшой, но глубокой по содержанию повести: тема мещанской добропорядочности и тема богатства, золота в буржуазном обществе.

Нетрудно уловить в фантастическом содержании повести ее индизнаказательный смысл. Тень, которую отдал бедняк Шлемиль в обмен на богатство, не обычная тень, отбрасываемая предметом. На это неоднократно намекает автор. Такие же речи вел не раз и соблазнитель Шлемиля, «человек в сером», рекомендуя Петеру Шлемилю обзавестись при его богатстве и нужной тенью.

Тень выступает в повести как символ необходимой в буржуазном обществе репутации добропорядочного мещанина. В этом обществе важно не только быть богатым, но и слыть богатым, заслуживающим доверие обывателем. Далекий от духа стяжательства и принципов филистерской морали, Шлемиль не понимал этого, не придавал никакого значения тени и простодушно согласился лишиться ее. За это он и поплатился жестоко. Даже несметные сокровища героя не в силах спасти его от презрения мещан. Честного Шлемиля всюду презирают как человека без тени, то есть без должной репутации, в то время как «прекрасно упитанный, самодовольный» капиталист Джон, негодяй Раскал, банкир, объявивший себя банкротом в целях наживы, пользуются всеобщим почетом и уважением. Это все люди, «отбрасывающие прекрасную тень». Они приобретают ее ценой утраты своей души, то есть человеческого достоинства. На этих условиях мог бы вернуть свою тень и Шлемиль. Но благородный Петер решительно отменяет эту постыдную сделку с дьяволом.

Таким образом, фантастическая история утраченной тени служит для Шамиссо средством разоблачения лживости и лицемерия, присущих морали господствующих классов. Достопочтенные представители классового общества оказываются на деле лишь «тенями», людьми, потерявшими всякое человеческое достоинство. Именно в

этом смысле использовал повесть Шамиссо и К. Маркс, характеризуя посредственную трусливую французскую буржуазию после революции 1848 г.: «...лживые страсти, бесстрастные истины, герои без героизма, история без событий... Если какая-либо страница истории написана сплошь серыми красками, то именно эта. Люди и события кажутся Шлемилями навыворот, — тенями, потерявшими тело»¹.

Критика немецкого общества в повести Шамиссо еще более усиливается раскрытием пагубной роли всемогущих в этом обществе денег.

Золото разрушает человеческую личность. Безумная жажда обогащения делает Раскала аморальным человеком. И сам Петер едва избежал этой опасности. Золото заменяет ум и способности, положение и красоту. Вчерашний бедняк Шлемиль, которого едва удостоивали взглядом богачи, став обладателем волшебного кошелька, принят мещанами за прусского короля, пользуется благосклонным вниманием красавицы Фанни, любим дочерью лесничего, в доме которого он желанный гость. Однако богатство не приносит счастья герою. «Подобно Фаффнеру, стерегущему клад... — говорит Шамиссо, — изнемогал я около своего золота; но сердце мое не лежало к нему. Я проклинал богатство, ибо из-за него был выключен из жизни». Таким ответым хищникам, как Томас Джон, Раскал и другие, писатель противопоставляет своего героя, который в конце концов морально возрождается и отказывается от своего богатства. Смысл жизни Шлемиль находит не в обожествлении золота, а в творческом изучении природы, в науке. Таков конечный гуманистический вывод писателя, осудившего лживую мораль и культ золотого тельца.

Композиция повести двупланова. Наряду с основными, чисто реалистическими подробностями повествования в произведении имеются фантастические эпизоды (сделка с чертом, волшебный кошелек, шапка-невидимка, сапоги-скороходы и др.). Однако эти планы не противоречат друг другу. Сказочное, тесно переплетаясь с бытовым, нередко получает самое естественное объяснение (торожение сапог-скороходов, тень от невидимого гнезда и т. д.).

В этом отношении показателен образ «человека в сером». Традиционному дьяволу автор придал прозаические черты ловкого коммерсанта, умело обманывающего неопытную жертву. Он отличается настойчивостью купца, готового на все ради выгодной сделки: то он вкрадчив и льстив, то деловит и циничен, то, наконец, груб.

Это типичная для современного Шамиссо общества фигура

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. VIII, М. 1938, стр. 344.

дельца. Она так же характерна, как и надменный миллионер Джон, беззастенчивый эгоист Раскал или ограниченные мещане — родители Минны.

Повесть Шамиссо полемически направлена против реакционного романтизма. В противовес реакционным романтикам, проповедовавшим возврат к феодальной старине, Шамиссо весь устремлен в будущее.

Его народная сказочная фантастика лишена мистического смысла. Это реалистическая фантастика, художественная выдумка, которая является средством глубокого обобщения действительности. Образы повести, человеческие отношения, изображенные в ней, психологически правдивы и типичны.

Гуманистические идеи, воодушевлявшие писателя-демократа Шамиссо, находят глубокое сочувствие среди читателей всех стран мира.

Г. Слободкин

ЮЛИУСУ ЭДУАРДУ ГИТЦИГУ
от Адельберта фон Шамиссо

Ты не забываешь никого; ты, конечно, еще помнишь некоего Шлемиля, ибо в давние годы не раз встречал его у меня — такой долговязый малый, который слыл растяпой, потому что был неповоротлив, и лентяем, потому что был нерасторопен. Мне он нравился. Ты, Эдуард, конечно не забыл, как однажды в нашу «зеленую» эпоху он увильнул от наших стихотворных опытов: я взял его с собой на очередное наше поэтическое чаепитие, а он заснул, пока сонеты еще только сочинялись, не дождавшись чтения. Мне вспоминается также, как ты сострил на его счет. Ты уже видел его, не знаю где и когда, в старой черной венгерке, в которой он был и на этот раз, и ты сказал: «Этот малый мог бы почесть себя счастливецом, ежели бы его душа была хоть наполовину столь же бессмертна, как его куртка». Вот ведь какого неважного мнения вы были о нем. Мне он нравился.

От этого-то самого Шлемиля, которого я потерял из виду много лет назад, и досталась мне тетрадь, кою я доверяю теперь тебе. Лишь тебе, Эдуард, моему самому близкому, самому закадычному другу, моему второму «я», от которого у меня нет секретов, доверяю я ее, лишь тебе и, само собой разумеется, нашему Фуке, также занявшему прочное место в моем сердце, но ему только как другу, а не как поэту. Вы поймете, сколь мне было бы неприятно, если бы исповедь честного человека, положившегося на мою дружбу и порядочность, была высмеяна в литературном произведении и даже если бы вообще отнеслись без должного благоговения, как к

неостроумной шутке, к тому, с чем нельзя и не должно шутить. Правда, надо сознаться, мне жалко, что эта история, вышедшая из-под пера доброго малого Шлемиля, звучит нелепо, что она не передана со всей силой заключенного в ней комизма умелым мастером. Что бы сделал из нее Жан-Поль! Кроме всего прочего, любезный друг, в ней, возможно, упоминаются и ныне здравствующие люди; это тоже надо принять во внимание.

Еще несколько слов о том, как попали ко мне эти листки. Я получил их вчера рано утром, как только проснулся, — какой-то странного вида человек, с длинной седой бородой, одетый в изношенную черную венгерку, с ботанизированной через плечо и, несмотря на сырую, дождливую погоду, в туфлях поверх сапог, справился обо мне и оставил эту тетрадь. Он сказал, что прибыл из Берлина.

Адельберт фон Шамиссо

Кунерсдорф, 27 сентября 1813 г.

R. S. Прилагаю набросок, сделанный искусником Леопольдом, который как раз стоял у окна и был поражен необычайным явлением. Когда он узнал, что я дорожу рисунком, он охотно подарил его мне.

**МОЕМУ СТАРОМУ ДРУГУ
ПЕТЕРУ ШЛЕМИЛЮ**

Твоя давно забытая тетрадь
Случайно в руки мне попала снова.
Я вспомнил дни минувшие опять,
Когда нас мир в ученье брал сурово.
Я стар и сед, мне нужды нет скрывать
От друга юности простое слово:
Я друг твой прежний перед целым светом,
Наперекор насмешкам и наветам.

Мой бедный друг, со мной тогда лукавый
Не так играл, как он играл с тобой.
И я в те дни искал напрасно славы,
Парил без пользы в выси голубой.
Но Сатана похвастаться не вправе,
Что тень мою купил он той порой.
Со мною тень, мне данная с рожденья,
Я. всюду и всегда с моею тенью.

И хоть я не был виноват ни в чем,
Да и лицом с тобою мы не схожи,
«Где тень твоя?» — кричали мне кругом,
Смеясь и корча шутовские рожи.
Я тень показывал. Что толку в том?
Они б смеялись и на смертном ложе.
Нам силы для терпения даны,
И благо, коль не чувствуем вины.

Но что такое тень? — спросить хочу я,
Хоть сам вопрос такой слышал не раз,
И злобный свет, придав цену большую,
Не слишком ли вознес ее сейчас?
Но годы миновавшие такую
Открыли мудрость высшую для нас:
Бывало, тень мы называли сутью,
А нынче суть и та покрыта мутью.

Итак, друг другу руки мы пожмем,
Вперед, и пусть все будет, как бывало.
Печалиться не станем о былом,
Когда теснее наша дружба стала.
Мы к цели приближаемся вдвоем,
И злобный мир нас не страшит нисколько.
А стихнут бури, в гавани с тобой,
Уснув, найдем мы сладостный покой ¹.

Адальберт фон Шамиссо

Берлин, август 1834.

¹ Перевод Ильи Елина.

НЕОБЫЧАЙНЫЕ ПРИКЛЮЧЕНИЯ ПЕТЕРА ШЛЕМИЯ

1

После благополучного, хотя и очень для меня тягостного плавания корабль наш вошел, наконец, в гавань. Как только шлюпка доставила меня на берег, я забрал свои скудные пожитки и, протолкавшись сквозь суетливую толпу, направился к ближайшему скромному с виду дому, на котором узрел вывеску гостиницы. Я спросил комнату. Слуга осмотрел меня с ног до головы и провел наверх, под крышу. Я приказал подать холодной воды и попросил толком объяснить, как найти господина Томаса Джона.

— Сейчас же за Северными воротами, первая вилла по правую руку, большой новый дом с колоннами, отделанный белым и красным мрамором.

Так. Было еще раннее утро. Я развязал свои пожитки, достал недавно перелицованный черный сюртук, тщательно оделся во все, что у меня было лучшего, сунул в карман рекомендательное письмо и отправился на розыски человека, с помощью которого надеялся осуществить свои скромные мечты.

Пройдя всю длинную Северную улицу до самого конца, я сейчас же за воротами увидел белевшие сквозь листву колонны. «Итак, я у цели!» — подумал я. Смахнул носовым платком пыль с башмаков, поправил галстук и, благословясь, дернул за звонок. Дверь распахнулась. В прихожей мне был учинен настоящий допрос. Швейцар все же приказал доложить обо мне, и я удостоился чести предстать перед господином Джоном, который прогуливался в парке с близкими друзьями. Я сейчас же признал хозяина по дородству и сияющей самодовольством фи-

зионии. Он принял меня очень хорошо — как богач нищего, даже повернул ко мне голову, правда, не отвернувшись от остального общества, и взял у меня из рук протянутое письмо.

— Так, так, так! От брата! Давненько не было о нем ни слуху ни духу. Значит, здоров? Вон там, — продолжал он, обращаясь к гостям и не дожидаясь ответа, и указал письмом на пригорок, — вон там я построю новое здание. — Он разорвал конверт, но не прервал разговора, который перешел на богатство. — У кого нет хотя бы полмиллионного состояния, — заметил он, — тот, простите меня за грубое слово, — голодранец!

— Ах, как это верно! — воскликнул я с самым искренним чувством.

Должно быть, мои слова пришлись ему по вкусу. Он улыбнулся и сказал:

— Не уходите, голубчик, может статься я найду потом время и потолкую с вами насчет вот этого.

Он указал на письмо, которое тут же сунул в карман, а затем снова занялся гостями. Хозяин предложил руку одной молодой особе, другие господа любезничали с другими красотками, каждый нашел себе даму по вкусу, и все общество направилось к поросшей розами горке.

Я поплелся сзади, никого собой не обременяя, так как никто уже мною не интересовался. Гости были очень веселы, дурачились и шутили, порой серьезно разговаривали о пустяках, часто пустословили о серьезном и охотно острили насчет отсутствующих друзей. Я плохо понимал, о чем шла речь, ибо был чужим в их компании, и не вникал в эти загадки, ибо был слишком озабочен и занят своими мыслями.

Мы дошли до зарослей роз. Очаровательной Фанни, которая казалась царицей праздника, заблагорассудилось самой сорвать цветущую ветку; она наколола шипом палец, и на ее нежную руку упали алые капли, словно оброненные темными розами. Это происшествие взбудоражило все общество, гости бросились искать английский пластырь. Молчаливый господин в летах, сухопарый и длинный, которого я до тех пор не заметил, хотя он шел вместе со всеми, сейчас же сунул руку в плотно прилегающий боковой карман своего старомодного серого шелкового фрака, достал маленький бумажник, открыл его и с почтительным поклоном подал даме желаемое. Она

взяла пластырь, не взглянув на подателя и не поблагодарив его; паряпину заклеили, и все общество двинулось дальше, чтоб насладиться открывавшимся с вершины холма видом на зеленый лабиринт парка и бесконечный простор океана.

Зрелище действительно было грандиозное и прекрасное. На горизонте, между темными волнами и небесной лазурью, появилась светлая точка.

— Подать сюда подзорную трубу! — крикнул господин Джон, и не успели прибежавшие на зов слуги выполнить приказание, как серый человек сунул руку во внутренний карман, вытащил оттуда прекрасный доллонд и со смиренным поклоном подал господину Джону. Тот тут же приставил трубу к глазу и сообщил, что это корабль, вчера снявшийся с якоря, но из-за противного ветра до сих пор не вышедший в открытое море. Подзорная труба переходила из рук в руки и не возвращалась обратно к своему владельцу. Я же с удивлением смотрел на него и недоумевал, как мог уместиться такой большой предмет в таком маленьком кармане. Но все остальные, казалось, приняли это как должное, и человек в сером возбуждал в них столь же мало любопытства, как и я.

Подали в драгоценных вазах фрукты — редчайшие плоды всех поясов. Господин Джон потчевал гостей более или менее любезно; тут он во второй раз обратился ко мне:

— Кушайте на здоровье! Этого вам во время плаванья есть не довелось!

Я поклонился, но он даже не заметил; он уже разговаривал с кем-то другим.

Компания охотно расположилась бы на лужайке на склоне холма, откуда открывался широкий вид, да только все боялись сидеть на сырой земле. Кто-то из гостей пожалел, что нет турецкого ковра, который можно было бы расстелить здесь. Не успел он высказать это желание, как человек в сером уже сунул руку в карман и со скромным, даже смиренным видом стал вытаскивать оттуда роскошный золототканый ковер. Лакеи как ни в чем не бывало подхватили его и разостлали на облюбованном месте. Не долго думая, компания расположилась на ковре; я же опять с недоумением глядел то на человека, то на карман, а затем на ковер, в котором было не меньше двадцати шагов в длину и десяти в ширину, и

тер глаза, не зная, что и думать, тем более что никто как будто не находил в этом ничего чудесного.

Мне очень хотелось узнать, кто этот человек, я только не знал, к кому обратиться за разъяснениями, потому что перед господами лакеями робел, пожалуй, еще больше, чем перед самими господами. Наконец я набрался храбрости и подошел к молодому человеку, как будто не такому важному, как другие, и часто стоявшему в одиночестве. Я вполголоса осведомился, кто этот обязательный человек в сером.

— Тот, что похож на нитку, выскользнувшую из иглы портного?

— Да, тот, что стоит один.

— Не знаю! — ответил он, и отвернулся, как мне показалось, желая избежать дальнейшей беседы со мной, и тут же заговорил о всяких пустяках с кем-то другим.

Солнце уже сильно припекало, и жара начала тяготить дам. Очаровательная Фанни небрежно обратилась к серому человеку, с которым, насколько я помню, еще никто не разговаривал, и задала ему необдуманый вопрос: не найдется ли у него заодно и палатки? Он ответил таким низким поклоном, словно на его долю выпала незаслуженная честь, и сейчас же сунул руку в карман, из которого у меня на глазах извлек материю, колышки, шнуры, железный остов — словом, все, что требуется для роскошного шатра. Молодые люди помогли разбить палатку, которая растянулась над всем ковром, — и опять это никого не поразило.

Мне уже давно было как-то не по себе, даже страшно-вато, что же я почувствовал, когда при следующем высказанном вслух желании он вытащил из кармана трех верховых лошадей — говорю тебе, трех прекрасных, крупных вороных, взнузданных и оседланных! Нет, ты только представь себе — еще и трех оседланных лошадей, и все из того же кармана, откуда уже вылезли бумажник, подзорная труба, тканый ковер двадцати шагов в длину и десяти в ширину, шатер тех же размеров со всеми нужными колышками и железными прутьями! Если бы не мое честное слово, подтверждающее, что я видел все это собственными глазами, ты бы мне, конечно, не поверил.

Человек этот держался очень застенчиво и скромно, окружающие обращали на него мало внимания, и

все же в его бледном лице, от которого я не мог отвести взгляд, было что-то такое жуткое, что под конец я не выдержал.

Я решил незаметно удалиться, мне это казалось совсем не трудным, принимая во внимание незначительную роль, которую я играл в здешнем обществе. Я хотел вернуться в город, на следующее утро снова попытаться счастья и, если наберусь храбрости, расспросить господина Джона о странном человеке в сером. Ах, если бы мне удалось тогда скрыться!

Я уже благополучно пробрался через заросли роз до подножия холма и очутился на открытой лужайке, но тут, испугавшись, как бы кто не увидел, что я иду не по дорожке и мну траву, я огляделся вокруг. Как же я перетрусил, когда увидел, что человек в сером идет за мной следом и уже приближается. Он сейчас же снял шляпу и поклонился так низко, как еще никто мне не кланялся. Сомнения быть не могло, — он собирался со мной заговорить, и с моей стороны было бы неучтиво уклониться от разговора. Я тоже снял шляпу и, несмотря на яркое солнце, так, с непокрытой головой замер на месте. Я смотрел на него с ужасом, не отрываясь, словно птица, замороженная взглядом змеи. Он тоже казался очень смущенным; не подымая глаз и отвешивая все новые поклоны, подошел он ближе и заговорил со мной тихо и неуверенно, тоном просителя.

— Извините, сударь, не сочтите с моей стороны навязчивостью, ежели я, не будучи с вами знаком, осмеливаюсь вас задерживать: у меня до вас просьба. Ежели милость ваша будет, дозволейте...

— Господи помилуй, сударь! — воскликнул я в страхе. — Чем могу я быть полезен человеку, который...

Мы оба смутились и, как мне сдается, покраснели.

После минутного молчания он снова начал:

— В течение того короткого времени, когда я имел счастье наслаждаться вашим обществом, я, сударь, несколько раз — позвольте вам это высказать — любовался той поразительно красивой тенью, которую вы, будучи освещены солнцем, сами того не замечая, отбрасывали от себя, я сказал бы, с некоторым благородным пренебрежением, — любовался вот этой самой великолепной тенью у ваших ног! Не сочтите мой вопрос дерзким: вы ничего

не будете иметь против, ежели я попрошу вас уступить мне свою тень?

Он замолчал, а у меня в голове словно колеса завертелись. Что подумать о таком необычном предложении — продать свою тень? «Верно, это сумасшедший», — мелькнуло у меня в голове, и совсем другим тоном, гораздо более соответствующим тому смиренному тону, который усвоил он, я ответил:

— Эх, приятель, неужто вам мало собственной тени? Ну уж и сделка, совсем необычная!

Но он не отставал:

— Сударь, у меня в кармане найдется много всякой всячины, которая вас, может быть, соблазнит. Для такой бесценной тени, как ваша, я ничего не пожалею!

При упоминании о кармане у меня опять побежали мурашки по спине, я сам не понимал, как это я мог решиться назвать его «приятелем». Я постарался, насколько возможно, исправить свою неучтивость изысканной вежливостью и сказал:

— Не посетуйте, сударь, на вашего покорнейшего слугу! Но я, верно, вас не так понял? Как я могу свою тень...

Он прервал меня на полуслове:

— Я только прошу вас, ваша милость, разрешить мне сию минуту, не сходя с места, поднять с земли эту благородную тень и спрятать к себе в карман; как я это сделаю, моя забота. А взамен в знак признательности я предлагаю вам, сударь, выбрать любое из тех сокровищ, которые я ношу с собой в кармане: подлинную разрыв-траву, корень мандрагоры, пфенниги-перевертыши, талер-добытчик, скатерть-самобранку, принадлежавшую оруженосцам Роланда, чертика в бутылке за какую угодно цену. Но все это не то, что вам требуется. Хотите волшебную шапку, принадлежавшую Фортунато, совсем новенькую и крепкую, только что из починки? А может быть, волшебный кошелек, такой же, как у Фортунато?

— Давайте кошелек Фортунато! — прервал я его речь, и, как ни был велик мой страх, при этих словах я позабыл обо всем. Голова закружилась, перед глазами засверкало золото.

— Соболаговолите, сударь, взглянуть и испробовать, что это за кошелек!

Он сунул руку в карман и вытащил за два крепких ременных шнура не очень большой кошелек, на совесть сшитый из прочного сафьяна, и вручил его мне. Я сунул в кошель руку и вытащил десять червонцев, а потом еще десять, и еще десять, и еще; я быстро протянул ему руку:

— Идет! Сделка состоялась. Давайте кошель и поучайте тень!

Мы ударили по рукам; он, не теряя ни минуты, опустился на колени и с поразительной сноровкой осторожно, начав с головы и закончив ногами, отделил от травы мою тень, поднял ее, скатал, сложил и сунул в карман. Он встал, снова отвесил мне поклон и удалился в заросли роз. Мне сдается, будто он там тихонько хихикнул. Я же крепко вцепился в шнуры кошелька; лужайка, на которой я стоял, была ярко освещена солнцем, но я еще ничего не соображал.

2

Наконец я опомнился и поспешил поскорее покинуть здешние места, куда, как я надеялся, мне больше не придется возвращаться. Сначала я наполнил карманы золотом, затем спрятал кошелек на груди, предварительно обвязав шнуры вокруг шеи. Никем не замеченный, вышел я из парка на дорогу и направился к городу. Я подходил к воротам, погруженный в свои мысли, как вдруг услышал, что меня окликают: «Эй, молодой человек, молодой человек, послушайте!»

Я оглянулся, незнакомая старуха крикнула мне вслед:

— Сударь, будьте осторожны! Вы потеряли тень!

— Благодарствуйте, мамаша, — я бросил ей золотой за добрый совет и сошел с дороги под деревья.

У заставы меня сейчас же остановил будочник:

— Господин, где это вы позабыли свою тень?

А затем разохались какие-то кумушки:

— Иисусе Христе, пресвятая богородица! Да у него, у горемычного, тени нет!

Меня это уже начинало злить, и я старательно избегал солнца. Но не всюду это было возможно, вот хотя бы на широкой улице, через которую мне предстояло перейти, и, к моему несчастью, как раз в то время, когда школьники возвращались домой. Какой-то проклятый

озорник-горбун — он у меня и сейчас как живой перед глазами — тут же доглядел, что у меня нет тени. С громким воплем натравил он на меня всю высокообразованную уличную молодежь предместья, которая принялась обстреливать меня грязью и всячески вышучивать. «Порядочные люди, выходя на солнце, не забывают прихватить и свою тень!» Я бросил им несколько пригоршней золотых, чтобы они отвязались, а сам вскочил в экипаж, нанятый с помощью добросердечных людей.

Очутившись один в карете, я горько разрыдался. Верно, во мне уже начало пробуждаться сознание того, что хотя золото ценится на земле гораздо дороже, чем заслуги и добродетель, тень уважают еще больше, чем золото; и так же как раньше я поступился совестью ради богатства, так и теперь я расстался с тенью только ради золота. Чем может кончиться, чем неизбежно должен кончить такой человек!

Я был еще в полном смятении, когда экипаж остановился перед моей прежней гостиницей; мысль, что мне придется еще раз войти в жалкую комнатку под крышей, пугала меня. Я приказал снести вниз все мои вещи, с презрением взял свой нищенский узелок, бросил на стол несколько золотых и приказал кучеру отвезти меня в самый дорогой отель. Новая гостиница выходила на север; я мог не бояться солнца. Я отпустил кучера, щедро заплатив ему, распорядился, чтобы мне тут же показали лучшие комнаты, и, водворившись в номере, сразу же запер дверь на ключ.

Как ты думаешь, чем я занялся? О любезный Шамиссо, я краснею даже теперь, признаваясь в этом тебе одному. Я снял с груди кошелек и с каким-то остервенением, которое как пламя пожара разгоралось во мне все сильнее и сильнее, стал доставать из кошелька золото, еще и еще, все больше и больше, сыпал золото на пол, ходил по золоту, слушал, как оно звенит, и, упиваясь его блеском и звоном, бросал на пол все новые и новые пригоршни благородного металла, пока, наконец, обессилев, не свалился на это богатое ложе; с наслаждением зарывался я в золото, катался по золоту. Так прошел день, прошел вечер; я не отпирал двери, ночь застала меня лежащим на золоте, и тут же, на золоте, сморил меня сон.

Во сне я видел тебя, мне пригрезилось, будто я стою за стеклянной дверью твоей комнатки и оттуда смотрю на тебя, как ты сидишь за письменным столом, между скелетом и пучком сухих растений. На столе лежат открытые книги — Галлер, Гумбольдт и Линней, на диване — том Гете и «Волшебное кольцо». Я долго смотрел на тебя и на все вокруг, а потом опять на тебя; но ты не пошевелился, ты не дышал, ты был мертв.

Я проснулся. Верно, было еще очень рано. Часы мои остановились. Сам я был как избитый, да к тому же еще очень хотел есть и пить: со вчерашнего утра у меня во рту маковой росинки не было. Со злобой и отвращением отпихнул я надоевшее мне золото, которое еще так недавно услаждало мою безумную душу, теперь оно меня раздражало, и я не знал, куда его деть. Нельзя же было оставить его просто так, на полу. А что, если опять спрятать его в кошелек? Но не тут-то было. Ни одно из моих окон не выходило на море. Мне пришлось с большим трудом, обливаясь потом, перетаскать все золото в чулан и уложить в стоявший там большой шкаф; себе я оставил только несколько пригоршней дукатов. Справившись с этой работой, я в полном изнеможении растянулся в кресле и стал ждать, когда зашевелиятся в доме. При первой же возможности я приказал подать мне поесть и позвать хозяина.

Мы обсудили с ним будущее устройство моих апартаментов. Он рекомендовал для ухода за моей особой некоего Бенделя, который сразу покорила меня своей открытой и смысленной физиономией. Бендель оказался человеком, чья привязанность долго служила мне утешением в тягостной жизни и примиряла с моей печальной долей. Весь день я провозился, не выходя из своих комнат, со слугами, ищущими места, сапожниками, портными и купцами; я обзавелся обстановкой и закупил кучу драгоценностей и самоцветных камней, чтобы хоть отчасти избавиться от этой груды золота. Но она как будто и не думала уменьшаться.

Меж тем мое положение пугало меня. Я не решался ни на шаг отлучиться из дому, а по вечерам сидел в темноте и дожидался, пока в зале зажгут сорок восковых свечей. Я не мог без содрогания вспомнить ужасную сцену со школьниками. В конце концов я решил, как это

меня ни страшило, еще раз проверить общественное мнение.

В ту пору ночи стояли лунные. Поздно вечером я накинул широкий плащ, надвинул на глаза шляпу и, дрожа словно злоумышленник, крадучись, вышел из дому. Только отойдя порядочно от гостиницы, выступил я из тени домов, под охраной которых пробрался так далеко, и вышел на лунный свет, твердо решив услышать свой приговор из уст прохожих.

Избавь меня, дорогой друг, от тягостного пересказа всего того, что мне пришлось вынести. Женщины по большей части проявляли глубокую жалость, — но выражение сочувствия пронзало мне сердце не меньше, чем насмешки молодежи и высокомерное презрение мужчин, особенно толстых, хорошо откормленных, которые сами отбрасывали широкую тень. Одна очаровательная, прелестная девушка, которая шла, вероятно, в сопровождении родителей, задумчиво глядевших себе под ноги, случайно подняла на меня свои сияющие глаза. Увидев, что у меня нет тени, она заметно испугалась, опустила на прекрасное лицо вуаль, склонила голову и молча прошла мимо.

Этого я не вынес. Горькие слезы хлынули у меня из глаз, и, шатаясь, с разбитым сердцем, спрятался я обратно в темноту. Я шел медленно, держась за стены домов, чтобы не упасть, и поздно добрался до гостиницы.

Всю ночь я не сомкнул глаз. На следующий день первой моей заботой было найти человека в сером фраке. Может быть, мне удастся его отыскать, и на мое счастье окажется, что и он, подобно мне, жалеет о нашей безумной сделке. Я позвал Бенделя, он казался ловким и расторопным малым; я точно описал ему человека, владеющего сокровищем, без которого жизнь была для меня сплошной мукой. Я указал время и место, где я его видел; описал всех, кто был там же, и прибавил еще одну примету: велел справляться о подозрительной трубе, турецком ковре, тканном золотом, трех вороных конях и роскошном шатре, которые каким-то образом — каким именно, говорить незачем — связаны с таинственным незнакомцем, навсегда лишившим меня покоя и счастья, хотя на остальных он как будто бы не произвел никакого впечатления.

Окончив свою речь, я принес столько золота, сколько мог поднять, и прибавил еще на большую сумму самоцветных камней и драгоценностей.

— Бендель, — сказал я, — вот это выравнивает многие пути и делает легко выполнимым то, что кажется невозможным. Не скупись, ты видишь, твой хозяин тоже не скупится. Иди и обрадуй меня сообщением, на которое я возлагаю все мои надежды!

Бендель ушел. Он вернулся домой поздно, очень печальный. Никто из челяди господина Джона, никто из его гостей — он расспросил всех — даже вспомнить не мог человека в сером фраке. Новая подзорная труба была налицо, но никто не знал, откуда она взялась; ковер был разостлан, палатка разбита на том же самом холме, что и тогда. Слуги хвастались богатством своего хозяина, но никто не знал, откуда появились эти новые сокровища. Лошади стояли на конюшне у молодых людей, которые в тот день на них катались, а теперь перевозили щедрость господина Джона, тогда же подарившего им этих коней. Вот все, что выяснилось из обстоятельного рассказа Бенделя, чье ревностное усердие и умелое поведение хотя и не увенчались успехом, все же заслужили мою похвалу. Я мрачно махнул рукой, чтобы он оставил меня одного.

— Я дал вам, сударь, отчет о самом для вас важном, — снова начал Бендель. — Остается еще выполнить поручение, полученное сегодня рано утром от незнакомого человека, повстречавшегося мне у самого дома, когда я вышел по делу, в котором потерпел неудачу. Вот собственные слова незнакомца: «Передайте господину Петеру Шлемилю, что здесь он меня больше не увидит, — я еду за море, дует попутный ветер, и я спешу в гавань. Но по прошествии одного года и одного дня я сам отыщу его и буду иметь честь предложить ему другую, возможно более приемлемую сделку. Передайте нижайший поклон и уверения в моей неизменной благодарности!» Я спросил, как о нем сказать, но он ответил, что вы его знаете.

— Как он выглядел? — взмолился я, предчувствуя, кто это. И Бендель точка в точку, слово в слово описал мне человека в сером фраке, совершенно в тех же выражениях, в которых в предыдущем рассказе описывал человека, о котором всех расспрашивал.

— Несчастный! — воскликнул я, ломая руки. — Ведь это же был он! — и у Бенделя словно пелена спала с глаз.

— Да, да, это был он, конечно он! — воскликнул Бендель в испуге. — А я слепец, я дурак его не узнал, не узнал и предал своего хозяина!

Громко рыдая, осыпал он себя горькими упреками; отчаяние, которому он предавался, разжалобило меня. Я принялся утешать его, уверяя, что нисколько не сомневаюсь в его верности, и тут же отправил его в гавань, чтобы попытаться, если только это возможно, найти следы таинственного незнакомца. Но в это самое утро вышло в море очень много кораблей, которые удерживал в гавани противный ветер, и все направлялись в различные края света, все к различным берегам, и серый человек исчез бесследно, растаял как тень.

3

Что пользы в крыльях тому, на ком железные цепи? Он только сильнее почувствует свое горе. Подобно Фаффнеру, стерегущему клад вдали от людского глаза, изнемогал я около своего золота; но сердце мое не лежало к нему. Я проклинал богатство, ибо из-за него был выключен из жизни. Я хранил в душе свою печальную тайну, боясь любого из своих слуг и в то же время завидуя ему, — ведь у него была тень, он мог появиться на улице при солнечном свете. В одиночестве грустил я дни и ночи в своих покоях, и тоска точила мне сердце.

Еще один человек тужил вместе со мной — мой верный Бендель. Он непрестанно мучил себя упреками, ибо обманул доверие своего доброго хозяина и не признал того, за кем был послан, того, с кем, как он думал, тесно связана моя печальная участь. Я же не мог его ни в чем винить: я знал, что всему причиной таинственная природа незнакомца.

Дабы испробовать все средства я послал Бенделя с дорогим бриллиантовым перстнем к самому знаменитому в городе живописцу, которого пригласил к себе. Тот пришел, я удалил слуг, запер дверь, подсел к художнику и, воздав должное его мастерству, с тяжелым сердцем при-

ступил к сути дела. Но раньше взял с него слово, что он будет свято хранить тайну.

— Господин профессор, — начал я, — могли бы вы нарисовать искусственную тень человеку, который по несчастной случайности потерял свою тень?

— Вы имеете в виду ту тень, которую отбрасывают предметы?

— Именно ее.

— Но каким надо быть простофилей, каким разиней, чтобы потерять свою тень?

— Как это случилось, для вас безразлично, — возразил я. — Но, извольте, я расскажу. Прошлой зимой, когда он в трескучий мороз путешествовал по России, — начал я сочинять, — его тень так крепко примерзла к земле, что он никак не мог ее отодрать.

— Если я и нарисую ему искусственную тень, — ответил профессор, — он все равно потеряет ее при первом же движении, раз уж он, как явствует из вашего рассказа, так мало держался за свою, данную ему от рождения тень. У кого нет тени, пусть не выходит на солнце; так оно будет разумнее и вернее!

Он встал и ушел, бросив на меня испытующий взгляд, которого я не мог выдержать. Я упал в кресло и закрыл лицо руками.

Вошедший Бендель застал меня в этой позе. Он понял, в каком я отчаянии, и хотел безмолвно и почтительно удалиться. Я поднял голову, я изнемогал под тяжестью своего горя, мне нужно было с кем-нибудь им поделиться.

— Бендель, — окликнул я его. — Бендель! Ты один видишь и уважаешь мои страдания, не стараешься разузнать, что меня мучает, но молча и кротко жалеешь. Подойди ко мне, Бендель, и будь моим сердечным другом! Я не скрывал от тебя сокровища своего богатства, не хочу скрывать и сокровища своей печали. Бендель, не покидай меня! Бендель, ты видишь — я богат, щедр, милосерден; ты полагаешь, что люди должны превозносить меня, и ты видишь, что я бегу от людей, запираюсь от них. Бендель, люди произнесли свой приговор, они оттолкнули меня, может статься и ты отвернешься от меня, когда узнаешь мою страшную тайну: Бендель, я богат, щедр, милосерд, но — о боже праведный! — у меня нет тени!

— Нет тени? — в испуге воскликнул добрый малый, из глаз у него брызнули слезы. — Ах ты, горе горькое,

неужто я родился на свет для того, чтобы служить хозяину, у которого нет тени!

Он замолчал, а я не отрывал рук от лица.

— Бендель, — дрожащим голосом сказал я наконец, — я тебе доверился, теперь ты можешь злоупотребить моим доверием. Поди и свидетельствуй против меня!

Казалось, в его душе идет тяжелая борьба; затем он упал передо мной на колени и, обливаясь слезами, схватил мои руки.

— Нет, мой добрый хозяин, — воскликнул он, — что бы ни говорили люди, я не могу покинуть вас и никогда не покину из-за тени! Я послушаюсь сердца, а не разума, я останусь у вас, я одолжу вам свою тень, буду помогать, когда могу, а когда не смогу, буду плакать вместе с вами!

Я бросился к нему на шею, пораженный таким необычным благородством, ибо был убежден, что им руководит не корыстолюбие.

С тех пор моя судьба и образ жизни несколько изменились. Я просто диву давался, как ловко умел Бендель скрывать мой недостаток. Куда бы я ни шел, он всюду поспевал или до меня, или вместе со мной, все предусматривал, все предвидел, и если мне случайно грозила беда, он был тут как тут и прикрывал меня своей тенью, ибо был выше и полнее меня. Я снова решился бывать на людях и начал играть известную роль в свете. Конечно, мне приходилось напускать на себя всякие чудачества и капризы. Но богатым людям они пристали. И пока правда была скрыта, я мог спокойно наслаждаться почетом и уважением, которые приличествовали такому богачу. Я уже спокойнее ждал посещения, обещанного загадочным незнакомцем через год со днем.

Я отлично понимал, что не следует долго засиживаться там, где кое-кто уже видел меня без тени и, значит, моя тайна легко могла быть обнаружена. Кроме того, я помнил — возможно, только я один — свое появление у господина Джона, и это воспоминание угнетало меня; поэтому я считал пребывание здесь только репетицией, после которой я легче и увереннее буду выступать в другом месте. Однако меня на время удерживало здесь одно обстоятельство, задевшее мое тщеславие, — ибо это самое уязвимое место у человека.

Красавица Фанни, бывавшая в знакомом мне доме и позабывшая, что мы встречались уже раньше, подарила меня своим вниманием, ибо теперь я был находчив и остроумен. Когда я говорил, все слушали; и я сам удивлялся, откуда я приобрел искусство свободно болтать и овладевать разговором. Впечатление, которое, как я заметил, я произвел на красавицу, лишило меня рассудка, чего она и добивалась, и теперь я следовал за ней, куда только мог, держась в тени и прячась от света, для чего прибегал к тысяче уловок. Моему тщеславию льстило, что Фанни льстит мое ухаживание; я любил только умом и при всем своем желании не мог полюбить сердцем.

Но к чему повторять тебе так подробно всю эту глупую историю? Ты достаточно часто рассказывал мне то же самое о других, вполне достойных людях. Правда, к старой, избитой пьесе, в которой я добродушно играл тривиальную роль, неожиданно для меня, для Фанни и для окружающих была присочинена необычная развязка.

В один прекрасный вечер я пригласил в сад (по обыкновению неосвещенный) целое общество и под руку со своей очаровательницей бродил в некотором отдалении от других гостей, стараясь обворожить ее своим красноречием. Она опустила глаза долу и отвечала легким пожатием на пожатие моей руки; неожиданно позади нас из-за облаков выплыла луна, и Фанни увидела, что на землю падает только ее тень. Она вздрогнула, с ужасом посмотрела на меня, затем опять на землю, взглядом призывая мою тень; ее переживания так комично отражались у нее на лице, что я расхохотался бы, ежели бы у меня самого по спине не побежали мурашки.

Я отпустил руку лишившейся сознания Фанни, стрелой промчался мимо пораженных гостей, добежал до калитки, вскочил в первый попавшийся экипаж и покатил в город, где в этот раз, себе на горе, оставил предусмотрительного Бенделя. Он испугался, увидев меня, но с первого же слова понял все. Тут же были заказаны почтовые лошади. Я взял с собой только одного слугу, продувного малого по имени Раскал, благодаря своему пронырству вошедшего ко мне в доверие и, разумеется, не подозревавшего о том, что сейчас произошло. Еще в ту же ночь я проделал тридцать верст. Бендель задержался в городе, чтобы ликвидировать дом, расплатиться и привезти мне самое необходимое. Когда он нагнал меня на сле-

дующий день, я бросился ему на грудь и поклялся, правда не в том, что больше не совершу никакой глупости, а в том, что впредь буду осторожнее. Мы безостановочно продолжали наше путешествие через границу и горы, и только перевалив по ту сторону хребта, отделенный высоким склоном от тех злополучных мест, я сдался на уговоры и согласился отдохнуть после пережитых трудов на водах, в расположенном неподалеку уединенном местечке.

4

Я только бегло коснусь в своем повествовании поры, на которой — и как охотно! — задержался бы подольше, если бы мог воскресить в памяти ее живой дух. Но краски, которые оживляли ее и одни могут вновь оживить, поблекли в моей душе; и когда я снова пытаюсь найти в своей груди то, от чего она так бурно вздымалась тогда, — бывшие страдания и бывшее счастье, бывшие сладостные мечты — я тщетно ударяю в скалу, живительный источник уже иссяк, и бог отвернулся от меня. Какой иной кажется мне теперь та давно прошедшая пора!

Мне предстояло играть там, на водах, трагигероическую роль, а я, еще новичок на сцене, плохо разучил ее и по уши влюбился в пару голубых глаз. Родители, обманутые игрой, поспешили закончить сделку, и пошлый фарс завершился издевательством. И это все, все! Теперь то, что было, кажется мне глупым и безвкусным, и в то же время мне страшно подумать, что могут казаться такими те чувства, которые некогда переполняли мне грудь великим блаженством. Минна, как плакал я тогда, потеряв тебя, так плачу и сейчас, потеряв свое чувство к тебе. Неужели же я так постарел? О, печальный рассудок! Хотя бы еще одно биение сердца той поры, еще одну минуту тех иллюзий, — но нет! Я одиноко скитаюсь в открытом пустынном море горького рассудка, и давно уже в бокале перестало играть искрометное шампанское!

Я послал вперед Бенделя, дав ему несколько мешков с золотом и поручив подыскать подходящий дом и обставить его согласно моим вкусам. Он сыпал деньгами направо и налево и довольно туманно распространялся

о знатном чужестранце, на службе коего состоит, ибо я хотел остаться неизвестным. Это натолкнуло простодушных обывателей на странные мысли. Как только все было готово для моего приезда, Бендель вернулся за мной. Мы отправились в дорогу.

Примерно за час пути от места назначения мы выехали на залитую солнцем поляну, где нам преградила дорогу празднично разодетая толпа. Карета остановилась. Заиграла музыка, зазвонили в колокола, раздалась пушечная пальба, громкие крики «виват!» огласили воздух. Перед дверцами кареты появился хор красивых девушек в белых платьях, но как солнце затмевает ночные светила, так одна затмевала всех остальных. Она выступила из круга подруг, стройная и нежная, и, зардевшись от смущения, опустилась передо мной на колени и подала на шелковой подушке венок, сплетенный из лавров, масличных ветвей и роз, при этом она произнесла небольшую речь, которой я не понял, уловив только отдельные слова: ваше величество, благоговение, любовь, — но слух мой и сердце были очарованы нежными звуками, мне казалось, что это небесное видение когда-то уже являлось моим взорам. Тут вступил хор, славословя доброго короля и счастье его подданных.

Ах, любезный друг, такая сцена при ярком солнечном свете! Она все еще стояла, преклонив колена, в двух шагах от меня; а я не мог упасть к ногам этого ангела, нас разделяла пропасть, через которую я не мог перескочить, — у меня не было тени! О, чего бы я не дал в ту минуту за тень! Я забился в угол кареты, чтобы скрыть свой конфуз, свой страх и отчаяние. Но Бендель подумал за меня; он выскочил из кареты с другой стороны, я успел его окликнуть и передал ему из шкатулки, которая как раз была у меня под рукой, роскошную алмазную диадему, предназначавшуюся для красавицы Фанни. Он выступил вперед и от имени своего господина заявил, что тот не может и не хочет принять такие почести; вероятно, произошло недоразумение; но все же он хочет отблагодарить добрых горожан за их радушный прием. Он взял с подушки преподнесенный венок и положил на его место алмазный обруч; затем, почтительно подав руку, помог встать прелестной девушке и знаком предложил духовенству, муниципалитету и всем депутациям отойти. Бендель никого не допустил до меня. Он приказал толпе рассту-

питья, вскочил в карету, и мы стрелой промчались к городку под сооруженной по случаю нашего приезда аркой, разубранной гирляндами из листьев и цветов.

Пальба из пушек не прекращалась. Карета остановилась перед моим домом. Я проворно проскочил прямо в дверь, через расступившуюся толпу, которую привело сюда любопытство. Народ не расходился и кричал «виват!» у меня под окнами, и по моему приказанию из окон бросали в толпу дублоны. Вечером город по собственному почину устроил иллюминацию.

Я все еще не знал, что это должно означать и за кого меня принимают. Я послал на разведки Раскала. Ему сообщили, — будто бы из самых достоверных источников, — что добрый прусский король путешествует по стране под именем графа; рассказали, как был узан мой адъютант, как он проговорился, выдав себя и меня; и, наконец, как велика была всеобщая радость, когда стало известно, что я остановлюсь в здешнем городке. Теперь жители, правда, поняли, как опрометчиво они поступили, проявив настойчивое желание приподнять завесу, раз я явно хочу сохранять строжайшее инкогнито. Но я изволил гневаться столь милостиво и благосклонно, что, конечно, не поставлю им в вину такую искреннюю любовь.

Моему повесе вся эта история представлялась очень забавной, и он тут же постарался строгими речами еще больше укрепить добрых горожан в их заблуждении. Он пересказал мне все в очень комичном виде и когда увидел, что от его доклада я повеселел, вместе со мной стал смеяться над своей злой шуткой. Признаться ли? Мне льстило, что меня, пусть по ошибке, принимают за венценосца.

Я приказал подготовить к завтрашнему вечеру празднество под деревьями, осенявшими своей тенью площадку перед домом, и пригласить весь город. Благодаря таинственной силе моего кошелька, стараниям Бенделя, изобретательности и проворству Раскала нам удалось восторжествовать над временем. Поистине удивительно, как всего за несколько часов было устроено столь красивое и роскошное пиршество. С каким великолепием, с каким изобилием! Остроумно придуманное освещение было распределено с большим искусством, и я чувствовал себя в полной безопасности. Оставалось только похвалить моих слуг, ибо мне не пришлось ни о чем им напоминать.

Наступил вечер. Стали собираться гости, их представляли мне. О «вашем величестве» не было больше и речи; меня почтительно, с глубоким благоговением величали «господин граф». Что мне было делать? Я не возражал против графа и с этих пор стал графом Петером. Но среди праздничной суеты сердце мое стремилось только к одной. Было уже поздно, когда появилась она — венец творения, — увенчанная моим венцом. Она шла, благоговая опустив глаза, вслед за родителями и, казалось, не знала, что прекрасней ее здесь никого нет. Мне были представлены — главный лесничий, его супруга и дочь. Для стариков у меня нашлось много любезностей; перед дочерью я стоял как провинившийся школьник и не мог вымолвить ни слова. Наконец, запинаясь, попросил я красавицу осчастливить наш праздник и занять на нем место, соответственно тому украшению, что венчает ее. Оробев, она бросила на меня трогательный взгляд, моливший о пощаде; но, робея еще больше нее, я назвал себя ее подданным и первый уверил ее в своем благоговении и преданности; для гостей желание графа было приказом, который все поспешили исполнить. На нашем веселом празднестве царили величие, невинность и грация в союзе с красотой. Счастливые родители Минны думали, что их дочь возвеличена так только из уважения к ним; сам я все время находился в каком-то необыкновенном опьянении. Я приказал положить в две закрытые миски все оставшиеся у меня драгоценности, жемчуг и самоцветные камни, купленные еще в ту пору, когда я не знал, как избавиться от тяготившего меня золота, и во время ужина раздать их от имени царицы бала ее подругам и всем остальным дамам. Между тем ликующей толпе, стоявшей за огороженным пространством, бросали пригоршнями золото.

На следующее утро Бендель по секрету сообщил мне, что подозрения, которые он давно питал насчет Раскала, окончательно подтвердились: вчера Раскал украл несколько мешков золота.

— Бог с ним, — сказал я, — пусть его, бедняга, пользуется, я раздаю направо и налево, почему не дать и ему? Вчера и он и все новые слуги, которых ты нанял, выполняли свои обязанности исправно, они весело помогали справлять веселый праздник.

Больше мы об этом не говорили, Раскал был моим камердинером, Бендель же другом и наперсником. Он привык считать мое богатство неистощимым и не старался дознаться, откуда оно; мало того, подхватывая на лету мои мысли, он вместе со мной придумывал, куда истратить мое золото, и помогал мне проматывать деньги. О незнакомце, о бледном пронырливом человеке Бендель знал одно: только он может избавить меня от тяготеющего надо мной проклятия, и хотя на нем зиждутся все мои надежды, я боюсь предстоящей встречи. Впрочем, я убежден, что, где бы я ни был, он при желании всегда меня разыщет, мне же его нипочем не разыскать, поэтому я и отказался от напрасных поисков и жду обещанного дня.

Пышность заданного мною пира и мое поведение на нем в первое время только укрепили легковерных обывателей в их предвзятом мнении. Правда, из газет вскоре выяснилось, что легендарное путешествие прусского короля — необоснованный слух. Но так или иначе меня сделали королем, и так королем я и остался, да к тому же еще одним из самых богатых и щедрых. Вот только никто не знал, какого королевства. Мир никогда не имел основания жаловаться на недостаток монархов, а в наши дни особенно; добрые люди и в глаза не видывали королей и посему с равным основанием приписывали мне то то, то иное королевство. Граф Петер неизменно оставался тем, кем он был.

Однажды среди приехавших на воды появился некий коммерсант, с целью наживы объявивший себя банкротом; он пользовался всеобщим уважением и отбрасывал, правда, широкую, но бледноватую тень. Он хотел прихвастнуть здесь накопленным богатством, ему даже взбрело на ум потягаться со мной. Я прибегнул к своему кошельку и вскоре довел беднягу до того, что ему, дабы спасти свой престиж, пришлось снова объявить себя банкротом и перебраться по ту сторону гор. Так я отделался от него. Ох, сколько бездельников и тунеядцев наплодил я в здешней местности!

Своей поистине королевской расточительностью и роскошью я подчинил себе все, однако у себя дома я жил очень скромно и уединенно. Я поставил себе за правило величайшую осторожность; никто, кроме Бенделя, ни под каким предлогом не смел входить в мои личные покои.

Пока светило солнце, я сидел там, запершись с Бенделем, и всем говорилось: граф работает у себя в кабинете. Работой же объяснялось то множество посыльных, которых я гонял по всяким пустякам взад и вперед. Только по вечерам принимал я гостей, либо в тени деревьев, либо в зале, ярко освещенном согласно искусным указаниям Бенделя. Когда я выходил, Бендель не спускал с меня своего неусыпного ока, выходил же я только в сад к лесничему и только ради нее, моей единственной, ибо самым заветным в жизни была для меня моя любовь.

О, душа мой Шамиссо, я надеюсь, ты еще не забыл, что такое любовь! Ты сам дополнишь остальное. Минна была доброй, кроткой девушкой, достойной любви. Я овладел всеми ее помыслами. По своей скромности она не понимала, чем заслужила мое исключительное внимание, и со всем пылом неискушенного юного сердца платила любовью за любовь. Она любила, как любят женщины, целиком отдаваясь чувству, самозабвенно, самоотверженно, думая только о том, кто был всей ее жизнью, готовая на любую жертву, то есть любила по-настоящему.

Я же... о, какие ужасные часы — ужасные, но как бы я хотел их вернуть! — провел я, рыдая на груди у Бенделя, когда опомнился после первого опьянения и посмотрел на себя со стороны: как мог я, человек, лишенный тени, в коварном себялюбии толкать на гибель этого ангела, приворожив ее и похитив ее любовь! Я то решал открыться ей во всем; то клялся страшными клятвами вырвать ее из своего сердца и бежать; то снова разражался слезами и обсуждал с Бенделем, как нам свидеться с ней вечером в саду лесничего.

Бывали дни, когда я пытался обмануть себя самого, возлагая большие надежды на близкое свидание с серым незнакомцем, а потом снова плакал, ибо при всем желании не мог поверить этим надеждам. Я высчитал день ожидаемой страшной встречи, ведь он сказал — через год со днем, и я верил его слову.

Родители Минны были хорошими, почтенными людьми, горячо любившими свою единственную дочь. Наше сближение, о котором они узнали не сразу, поразило их, и они не знали, что делать. Им и во сне не снилось, что графу Петеру может приглянуться их дочь; а теперь, оказывается, он ее любит, и она отвечает ему взаимностью.

Мать была достаточно тщеславной, считала наш брак, возможным и старалась ему способствовать; разумный, знающий жизнь старик не допускал подобных сумасбродных фантазий. Оба были убеждены в чистоте моих мыслей; им оставалось только молить бога за свое дитя.

Мне под руку попало письмо Минны, сохранившееся еще от той поры. Да, это ее почерк! Я перепишу его для тебя.

«Я молода и глупа! Я вообразила, что мой любимый не может сделать больно мне, бедной девушке, — ведь я люблю его от всего сердца, от всего своего сердца. Ах, ты такой добрый, такой удивительно добрый, но не пойми меня превратно. Ты не должен ничем жертвовать ради меня, даже мысленно. Господи! Я бы возненавидела себя, если бы ты это сделал! Нет — ты дал мне безмерное счастье, научил любить тебя. Уезжай! Я знаю свою судьбу! Граф Петер принадлежит не мне, он принадлежит миру. Я хочу с гордостью слышать: «это был он», и «это снова был он», и «это совершил он», и «все благоговоят перед ним», и «его боготворят». Понимаешь, когда я об этом подумаю, я сержусь на тебя за то, что ты забываешь о своем великом предназначении из любви к такой простушке, как я. Уезжай, ибо от этой мысли я могу почувствовать себя несчастной, а ты дал мне такое счастье, такое блаженство! Разве я не вплела и в твою жизнь оливковую ветвь и еще не распустившуюся розу, так же как и в тот венок, который мне было даровано преподнести тебе? Ты живешь в моем сердце, любимый мой, не бойся расстаться со мной — благодаря тебе я умру такой счастливой, такой бесконечно счастливой».

Ты можешь себе представить, какой болью отозвались в моем сердце эти слова. Я признался ей, что я не тот, за кого меня принимают; я просто богатый и бесконечно несчастный человек. Надо мной тяготеет проклятие, которое должно остаться единственной моей тайной от нее, ибо я еще не потерял надежды, что оно будет снято. Это-то и отравляет мне жизнь: я боюсь увлечь за собой в бездну и ее — ее, единственный светоч, единственное счастье моей жизни, единственное сокровище моего сердца. Она снова заплакала, теперь уже из жалости ко мне. Ах, какая она была ласковая, какая добрая! Ради того, чтоб я не пролил лишней слезинки, она бы с радостью пожертвовала собой.

Но как она была далека от правильного истолкования моих слов! Она подозревала, что я владетельный князь, подвергшийся изгнанию, высокая особа в опале, ее живая фантазия уже окружала возлюбленного героическим ореолом.

Как-то я сказал ей:

— Минна, последний день следующего месяца может изменить и решить мою судьбу. Если этого не случится, я должен умереть, потому, что не хочу делать тебя несчастной.

Она, плача, спрятала лицо у меня на груди.

— Если судьба твоя изменится, мне достаточно знать, что ты счастлив, больше мне ничего не надо. Если ты будешь несчастлив, не покидай меня, я помогу тебе нести твой крест.

— Возьми, возьми обратно быстрое необдуманное слово, слетевшее с твоих уст! Знаешь ли ты, в чем мое горе, в чем мое проклятье? Знаешь ли ты, кто твой возлюбленный... знаешь ли, что он...? Ты видишь, я содрогаюсь и не могу решиться открыть тебе свою тайну!

Она, рыдая, упала к моим ногам, молила меня, клялась в верности и повторяла свою просьбу.

Я объявил подошедшему лесничему о своем намерении через месяц первого числа просить руки его дочери. Такой срок я установил потому, что за это время многое в моей жизни может измениться. Неизменна только моя любовь к его дочери.

Добрый старик очень испугался, услыша такие слова из уст графа Петёра. Он бросился мне на шею, но тут же сконфузился при мысли, что мог так забыть. Затем он начал сомневаться, раздумывать, допытываться; заговорил о приданом, об обеспечении, о будущем своей любимой дочери. Я поблагодарил его, что он напомнил об этом. Сказал, что хочу поселиться здесь, в этой местности, где меня как будто любят, и зажить беззаботной жизнью. Я попросил его приобрести на имя его дочери лучшие из продажных имений, а оплату перевести на меня. В таких делах отец лучше всякого другого может помочь жениху.

Ему пришлось здорово похлопотать: всюду его опережал какой-то чужестранец; лесничему удалось купить имений только на миллион.

Поручая ему эти хлопоты, я в сущности старался его удалить, я не раз уже прибегал к подобным невинным

хитростям, ибо, должен признаться, он бывал назойлив. Мамаша была туга на ухо и не стремилась к чести развлекать его сиятельство графа своими разговорами.

Тут подоспела мать. Счастливые родители настоятельно просили провести с ними сегодняшней вечер; я же не мог задержаться ни на минуту: я видел, что на небе уже всходит луна. Время мое истекло.

На следующий вечер я опять пошел в сад к лесничему. Набросив плащ на плечи, надвинув шляпу на самые глаза, я направился прямо к Минне. Она подняла голову, посмотрела на меня и вдруг сделала невольное движение; и перед моим умственным взором сразу возникло видение той страшной ночи, когда я, не имея тени, решился выйти при луне. Да, это была она. Но узнала ли она меня? Минна в раздумье молчала, у меня было тяжело на сердце. Я встал. Она, беззвучно рыдая, бросилась мне на грудь. Я ушел.

Теперь я часто заставлял Минну в слезах; у меня на душе с каждым днем становилось все мрачней и мрачней; только родители купались в блаженстве. Роковой день надвигался, жуткий и темный, как грозовая туча. Наступил последний вечер — я еле дышал. Предусмотрительно наполнив золотом несколько сундуков, я стал ожидать полночи.

Часы пробили двенадцать.

Я не спускал глаз со стрелки, считал секунды, минуты, ощущая их как удары кинжала. Я вздрагивал от малейшего шума. Наступило утро. Один за другим проходили тягостные часы, миновал полдень, настал вечер, ночь; двигались стрелки; гасла надежда; пробило одиннадцать, никто не появлялся; уходили последние минуты последнего часа, никто не появлялся; пробил первый удар, пробил последний удар двенадцатого часа; потеряв всякую надежду, обливаясь слезами, повалился я на свое ложе. Завтра мне, навеки лишенному тени, предстояло просить руки возлюбленной; под утро я забылся тяжелым сном.

5

Было еще очень рано, когда меня разбудили голоса людей, громко споривших в прихожей. Я прислушался. Бендель не пускал ко мне. Раскал ругался на чем свет

стоит, кричал, что распоряжение равных ему людей для него не указ, и насильно ломился ко мне в спальню. Добрый Бендель увещевал его, говоря, что, ежели такие слова дойдут до моего слуха, Раскал лишится выгодного места. Тот грозился, что полезет в драку, если Бендель будет стоять на своем и не допустит его ко мне.

Я кое-как оделся. В ярости распахнул я дверь и напустился на Раскала:

— Зачем ты сюда пожаловал, бездельник?

Он отступил шага на два и холодно ответил:

— Покорнейше просить вас, господин граф, позволить мне взглянуть на вашу тень! На дворе сейчас ярко светит солнце.

Слова его меня точно громом поразили. Долго не мог я снова обрести дар речи.

— Как может лакей так говорить со своим господином?..

Он спокойно перебил меня:

— Лакеи тоже бывают порядочными, а порядочный не захочет служить господину, у которого нет тени. Я пришел за расчетом.

Я попытался затронуть другие струны:

— Но, дорогой мой Раскал, кто внушил тебе такую злополучную мысль? Неужели ты думаешь?..

Он продолжал в прежнем тоне:

— Люди болтают, будто у вас нет тени, — да что там говорить, покажите мне вашу тень или пожалуйте расчет.

Побледневший, дрожащий Бендель оказался находчивей меня, он подал мне знак; я прибег к все улаживающему золоту. Но и оно потеряло свою силу, Раскал швырнул деньги мне под ноги:

— От человека, у которого нет тени, мне ничего не надо!

Он повернулся ко мне спиной и, не сняв шляпы, насвистывая песенку, медленно вышел из комнаты. Мы с Бенделем, словно окаменев, смотрели ему вслед, без мысли, без движения.

Тяжело вздыхая, скорбя душой, собрался я, наконец, вернуть слово и, как преступник перед судьями, предстать перед семьей лесничего. Я вошел в темную беседку, названную в честь меня, где они должны были дожидаться моего прихода и на этот раз. Ничего не подозревавшая мать встретила меня радостно. Минна сидела в беседке,

бледная и прекрасная, как первый снег, который иногда в осеннюю пору целует последние цветы, чтобы тут же растаять и превратиться в горькую влагу. Лесничий, держа в руке исписанный лист бумаги, шагал из угла в угол и, казалось, старался побороть чувства, отражавшиеся на его то красневшем, то бледневшем лице, обычно мало выразительном. Он сейчас же подошел ко мне и потребовал, прерывая свои слова вздохами, чтобы я поговорил с ним наедине. Аллея, куда он предложил нам уединиться, вела в открытую, залитую солнцем часть сада. Ни слова не говоря, опустил я на скамью; последовало долгое молчание, прервать которое не решалась даже мамаша.

Лесничий продолжал быстро и нервно шагать из угла в угол беседки; вдруг он остановился передо мной, посмотрел на листок, который держал в руке, и, глядя на меня испытующим взглядом, спросил:

— Скажите, ваше сиятельство, вам действительно знаком некий Петер Шлемиль?

Я молчал.

— Человек прекрасного нрава, одаренный особыми талантами...

Он ждал ответа.

— А что, если я сам этот человек?

— ...и потерявший свою собственную тень! — прибавил он резко.

— Предчувствие не обмануло меня! — воскликнула Минна. — Да, я уже давно знала, что у него нет тени! — и она бросилась в объятия матери, которая в страхе судорожно прижала ее к груди, осыпая упреками за то, что она себе на горе скрыла от родителей такую ужасную тайну. Дочь превратилась, подобно Аретузе, в ручей слез, сильнее разливавшийся при звуке моего голоса, а при моем приближении струившийся бурным потоком.

— И вы не побоялись с неслыханной наглостью обмануть ее и меня? — гневно продолжал отец. — Вы говорите, что любите ее, и в то же время так ее опозорили? Видите, как она плачет и рыдает! Какой ужас! Какой ужас!

Я совсем потерял голову и, сам не понимая, что говорю, начал убеждать: да ведь в конце концов это же тень, всего только тень; можно отлично прожить и без нее, и право же не стоит подымать из-за этого столько

пуму. Но я сам чувствовал всю неубедительность своих слов, я замолчал, а он не удостоил меня даже ответом. Я прибавил только: то, что раз потерял, в другой раз, случается, найдешь.

Он в ярости набросился на меня:

— Сознайтесь, сознайтесь, сударь, каким образом вы лишились тени?

Мне опять пришлось прибегнуть ко лжи:

— Какой-то олух так неудачно наступил на мою тень, что продырявил ее насквозь. Пришлось отдать тень в починку, ведь деньги творят чудеса; я надеялся получить ее вчера обратно.

— Так, так, государь мой, — возразил лесничий, — вы сватаете мою дочь, ее сватают и другие. На мне, как на отце, лежит забота о ней; даю вам три дня сроку, в течение которых потрудитесь обзавестись тенью. Если вы за эти три дня явитесь с хорошо пригнанной тенью, милости просим; но на четвертый — будьте покойны — моя дочь станет женой другого.

Я было попробовал заговорить с Минной, но она, заплакавшись пуще прежнего, крепче прижалась к матери, и та молча махнула мне рукой — дескать, идите! Я побрел прочь, и мне казалось, что мир замкнулся у меня за спиной.

Скрывшись от надзора любящего Бенделя, в отчаянии блуждал я по лесам и полям. От страха лоб мой покрылся холодным потом, из груди вырывались глухие стонания, я сходил с ума.

Не знаю, сколько прошло времени, как вдруг, очутившись на залитой солнцем поляне, я почувствовал, что кто-то схватил меня за рукав. Я остановился и оглянулся. У меня за спиной стоял человек в сером фраке, мне даже показалось, будто он запыхался, догоняя меня. Он сейчас же заговорил:

— Я обещал явиться сегодня; вы не могли дожидаться условленного времени. Но ничто еще не потеряно; вы послушаетесь доброго совета, выменяете обратно свою тень, которую я предоставлю в ваше распоряжение, и тут же вернетесь туда, откуда пришли. Лесничий примет вас с распростертыми объятиями, все будет объяснено простой шуткой. С Раскалом, который вас выдал и сам сватается к вашей невесте, я и один справлюсь. Этот парень отпетый негодяй.

Я слушал как во сне.

— Вы обещали явиться сегодня?.. — я еще раз прикинул срок, он был прав: с самого начала я обсчитался на один день. Я нащупал правой рукой кошелек на груди; незнакомец правильно истолковал мое движение и отступил на два шага.

— Нет, господин граф, кошелек в очень хороших руках, оставьте его при себе!

Ничего не понимая, я вопросительно посмотрел на него. Он продолжал:

— Взамен тени я прошу пустячок, так, на память: будьте столь любезны, поставьте свою подпись вот под этой запиской!

На листочке пергамента стояли следующие слова: «Завещаю держателю сего мою душу после того, как она естественным путем разлучится с телом, что собственной подписью и удостоверяю».

Онемев от изумления, переводил я взгляд с записки на незнакомца в сером и обратно. Он же тем временем очинил перо, обмакнул его в каплю крови, выступившую у меня на ладони, которую я оцарапал об острый шип, и протянул мне.

— Кто же вы? — спросил я наконец.

— Не все ли равно? — отозвался он. — Да разве мне не видно? Так, из породы лукавых, из тех ученых чудаков и лекарей, которые знают одну радость на свете — занятия всякой чертовщиной, хотя они и не получают благодарности за те диковинные штучки, что преподносят своим друзьям. Но поставьте же вашу подпись! Вот тут, направо внизу: Петер Шлемиль.

Я покачал головой и сказал:

— Простите, милостивый государь, но этого я не подпишу!

— Не подпишете? — удивленно повторил он. — А почему?

— Мне кажется в известной мере необдуманно променять душу на собственную тень.

— Так, так, — повторил он. — Необдуманно! — И он громко расхохотался прямо мне в лицо. — А позвольте спросить, что такое ваша душа? Вы ее когда-либо видели? И на кой прах она вам нужна после смерти? Радуйтесь, что нашли любителя, который еще при жизни согласен заплатить чем-то реальным, а именно вашей те-

лесной тенью, при помощи которой вы можете добиться руки любимой девушки и исполнения всех желаний, за завещание этой неизвестной величины, этого X, этой гальванической силы или поляризирующего действия или как вам будет угодно назвать всю эту галиматью. Неужели же вы предпочитаете толкнуть в объятия подлого мошенника Раскала бедняжку Минну, такую еще молоденькую? Нет, надо, чтобы вы взглянули на это собственными глазами; идемте, я одолжу вам шапку-невидимку, — он вытащил что-то из кармана, — и, скрытые от людских взоров, мы совершим паломничество в сад к лесничему.

Должен признаться, мне было очень стыдно, что человек в сером меня одурачил. Я ненавидел его всеми силами души, и, думаю, личное отвращение сильнее, чем нравственные устои и предрассудки, удержало меня от выкупа теней — хоть она и была мне очень нужна — ценой требуемой подписи. Столь же невозможным казалось мне предпринять в его обществе предложенную им прогулку. Все мое существо возмущалось при мысли, что меня с любимой будет разделять отвратительный покров, что этот мерзкий пролаза будет издеваться над нашими истекающими кровью сердцами. Я счел то, что случилось, волей рока, а свою беду неотвратимой, и, повернувшись к нему, сказал:

— Сударь, я продал вам свою тень за этот весьма превосходный кошелек и потом очень каялся. Если сделку можно расторгнуть — слава богу!

Он покачал головой и сразу помрачнел. Я продолжал:

— Ничего больше из того, что мне принадлежит, я вам не продам, даже если вы предложите в уплату мою тень, а, значит, ничего не подпишу. Отсюда можно сделать тот вывод, что путешествие в шапке-невидимке, которое вы мне предлагаете, будет не в равной мере увеселительным для вас и для меня. Посему прошу меня извинить, и, раз мы ни к чему не пришли, — расстанёмся!

— Весьма сожалею, мсье Шлемиль, что вы упорно отказываетесь от сделки, которую я вам дружески предлагаю. Возможно, в другой раз я буду счастливее. До скорого свидания! А проголос¹, будьте любезны убедиться, что

¹ Кстати (франц.).

вещи, которые я покупаю, не плесневеют; они у меня в чести и в полной сохранности.

Он сейчас же вытащил из кармана мою тень и, ловко бросив ее на поляну, раскатал и расправил на солнечной стороне у своих ног, так что к его услугам оказались две тени — моя и его собственная, — между которыми он и шагал, ибо моя тень тоже слушалась его и подделывалась под все его движения.

Когда, после столь долгого перерыва, я снова увидел свою тень, да притом еще обесчещенную унижительной службой у такого негодяя, в то время как я из-за нее терпел нечеловеческие муки, сердце мое не выдержало, и я горько разрыдался. А он, ненавистный, хвастаясь похищенной у меня собственностью, возобновил свое наглое предложение:

— Ничто еще не упущено. Росчерк пера — и бедная, несчастная Минна из лап негодяя попадет прямо в объятия уважаемого господина графа! Я уже сказал — один росчерк пера!

Слезы с новой силой брызнули у меня из глаз, но я отвернулся и махнул рукой, чтоб он угодил.

Как раз в эту минуту подоспел Бендель, который, беспокоясь обо мне, побежал за мной следом и, наконец, настиг меня здесь. Когда этот добрый, преданный друг застал меня в слезах, а мою тень, не узнать которую он не мог, во власти неизвестного серого чародея, он тут же решил, хотя бы силой, вернуть мне мою собственность; но так как он сам не умел обращаться с таким деликатным предметом, то сразу же обрушился на серого человека и, не тратя времени на разговоры, приказал ему сию же минуту, не рассуждая, отдать мне мое добро. Но тот вместо ответа повернулся спиной к простодушному царню и пошел прочь. Бендель же взмахнул дубинкой, которая была при нем, и, следуя за ним по пятам, все снова и снова требовал, чтоб он отдал тень, и беспощадно лупил его что было сил, не выпуская дубинки из своих жилистых рук. Незнакомец же, словно такое обращение для него дело привычное, втянул голову в плечи, сгорбился и, молча, не ускоряя шага, побрел своей дорогой через поляну, уводя за собой и мою тень и моего верного слугу. И долго еще слышались в этом безлюдье глухие удары, пока, наконец, не замолкли вдали. Я снова оказался лицом к лицу со своим горем.

Оставшись один на пустой поляне, я дал волю безудержным рыданиям, стараясь облегчить душу и в слезах излить гнетущую меня тоску. Но я не видел конца, не видел выхода, не видел предела моему безмерному страданию. С мрачной жаждой пил я теперь тот яд, который незнакомец влил мне в рану. Я представил себе Минну, и у меня в душе возник нежный образ любимой, бледной и обливающейся слезами, какой я видел ее в последний раз, в минуту моего позора, но тут между ней и мной нагло протискался призрак надевающегося Раскала. Я закрыл лицо и бросился в лес, но мерзкое видение не отставало, оно преследовало меня, пока, наконец, я не упал, задыхаясь, на землю, которую оросил новым потоком слез.

И все это из-за тени! И достаточно росчерка пера, чтобы получить эту тень обратно. Я задумался над странным предложением и над моим отказом. В голове у меня было пусто; не осталось ни мысли, ни решимости.

День клонился к вечеру. Я утолил голод ягодами, жажду — водою из горного потока; настала ночь, я улегся под деревом. Утренняя сырость пробудила меня от тяжелого сна, во время которого я сам слышал свое хриплое, словно предсмертное, дыхание. Бендель, видно, потерял мой след, и я был этому рад. Я не хотел возвращаться к людям, от которых бежал в страхе, как пугливый горный зверь. Так прожил я три ужасных дня.

На утро четвертого я очутился на песчаной равнине, ярко освещенной солнцем; сидя на скале, я грелся в его лучах, ибо теперь мне нравилось любоваться солнцем, которого я так долго был лишен. В сердце я все еще лелеял свою тоску. Вдруг меня вспугнул легкий шорох. Я огляделся вокруг, готовый тут же убежать, и не увидел никого; но мимо меня по освещенному солнцем песку проскользнула тень человека, похожая на мою, которая, казалось, убежала от своего хозяина и гуляла одна на свободе.

Во мне возникло непреодолимое желание. «Тень, — подумал я, — уж не ищешь ли ты хозяина? Я буду им». И я бросился к тени, чтоб овладеть ею. Я собственно думал, что ежели мне удастся наступить на тень так,

чтобы она очутилась у меня под ногами, она, может быть, к ним пристанет, а со временем привыкнет ко мне.

Но как только я двинулся с места, тень бросилась наутек; я пустился вдогонку за этой легкой беглянкой, и только мысль, что таким путем я могу вырваться из тяжелого положения, в какое попал, давала мне нужные силы. Тень удирала к лесу, правда пока еще далекому, но в его сумраке я бы ее, конечно, потерял. Я понял это, страх пронзил мне сердце, воспламенил мое желание, окрылил стопы; я заметно нагонял тень, расстояние между нами все уменьшалось, я уже почти настиг ее. Но тут она вдруг остановилась и обернулась ко мне. Как лев на добычу, одним прыжком, кинулся я на нее — и неожиданно наткнулся на сильное физическое сопротивление. На меня посыпались невидимые, но такие невероятно увесистые тумачи, которые навряд ли до того доставались смертному.

Обезумев от страха, я судорожно обхватил обеими руками и крепко сжал то невидимое, что стояло передо мной. При этом быстром движении я упал и растянулся на земле; но подо мной лежал на спине человек, который только сейчас стал видимым и которого я не выпускал.

Теперь все случившееся получило самое естественное объяснение. Человек, вероятно, раньше нес, а теперь бросил гнездо-невидимку, которое делает невидимым того, кто его держит, но не его тень. Я огляделся вокруг, очень быстро обнаружил тень гнезда-невидимки, вскочил на ноги, подбежал к гнезду и не упустил драгоценную добычу. Я — невидимый и не имеющий тени — держал в руках гнездо.

Лежавший подо мной человек поднялся с земли, озираясь вокруг в поисках своего счастливого победителя, но он не увидел на открытой солнечной поляне ни его, ни его тени, отсутствие которой его особенно испугало. Ибо он не успел заметить и никак не мог предположить, что я сам по себе лишен тени. Убедившись, что я исчез бесследно, он в страшном отчаянии схватился за голову и стал рвать на себе волосы. Мне же добытое с бою сокровище давало возможность, а вместе с тем и желание снова появиться в кругу людей. У меня не было недостатка в доводах для оправдания в собственных глазах своей вероломной кражи, или, вернее, я не чувствовал в этом необходимости; и чтоб подобные мысли и не прихо-

дили мне в голову, я поспешил прочь, не оглядываясь на несчастного, испуганный голос которого еще долго доносился до моего слуха. Так по крайней мере представлялись мне тогда все обстоятельства этого дела.

Я сгорал от нетерпения попасть в сад к лесничему и собственными глазами убедиться, верно ли то, что рассказал мой ненавистник. Но я не знал, где я. Чтоб осмотреться вокруг, я взобрался на ближайший холм. Оттуда я увидел лежащий у его подножия городок и сад лесничего. Сердце отчаянно билось, и слезы, но уже иные, чем те, что я проливал до этого, выступили у меня на глазах: я снова увижу ее! Страстная тоска гнала меня вниз по ближайшей тропинке. Незамеченный прошел я мимо крестьян, идущих из города. Они говорили обо мне, Раскале и лесничем; я не хотел вслушиваться, я спешил вниз.

Трепеща от ожидания, вошел я в сад, и вдруг словно кто-то захохотал мне навстречу, я похолодел и огляделся, но не увидел никого. Я пошел дальше, мне почудились рядом со мной какие-то шаги; но никого не было видно; я подумал, что это обман слуха. Был еще ранний час, в беседке графа Петера — никого, в саду — пусто; я быстро прошел по знакомым аллеям к дому. Тот же шорох, но уже более явственный, все время преследовал меня. Со страхом и надеждой в сердце сел я на скамью, которая стояла на залитой солнцем лужайке против крыльца. Мне померещилось, будто злой дух невидимка хихикнул и сел со мной рядом. В дверях повернули ключ, дверь отворилась; из дому вышел лесничий с бумагами в руках. Я почувствовал, как туман окутал мне голову, и — о ужас! — человек в сером фраке сидел рядом и глядел на меня с дьявольской усмешкой. Он натянул свою шапку-невидимку и мне на голову, у его ног мирно лежали рядом его и моя тень. Человек в сером небрежно вертел в руках уже знакомый мне лист пергамента и, пока занятый своими бумагами лесничий ходил взад и вперед, конфиденциально зашептал мне на ухо:

— Так, значит, вы все же согласились на мое предложение, и теперь мы сидим рядом — две головы под одной шапкой. Это уже хорошо, уже хорошо! Ну, а теперь отдайте мне гнездо; оно вам больше не нужно, а человек вы слишком честный и не будете удерживать его силой. Нет, нет, не благодарите, я одолжил его вам от всего сердца.

Он беспрепятственно взял гнездо у меня из рук, по-

ложил к себе в карман и снова рассмеялся надо мной, да так громко, что лесничий оглянулся на звук. Я сидел как окаменелый.

— Признайтесь, — продолжал он, — что такая шапка-невидимка куда как удобна, она закрывает самого владельца и его тень, да еще столько теней, сколько ему заблагорассудится прихватить. Вот сегодня моя шапка захватила две. — Он опять захохотал. — Заметьте, Шлемиль! Сверва не хочешь добром, а потом волей-неволей согласишься. Я думаю, вы выкупите у меня сей предмет, получите обратно невесту (время еще не упущено), а Раскал будет болтаться на виселице. Пока веревки не перевелись, это для нас дело плевое. Слушайте, я вам впридачу еще и шапку-невидимку дам.

Тут из дому вышла мать, и начался разговор.

— Что делает Минна?

— Плачет.

— Глупая девочка! Ведь теперь уж ничего не изменишь!

— Конечно, нет; но так скоро отдать ее другому... Ох, отец, ты жесток к собственному своему ребенку!

— Ну, мать, ты неправа. Вот выплачет она свои девичьи слезы, увидит, что она жена очень богатого и уважаемого человека, и утешится, позабудет свое горе, как тяжелый сон, и станет благодарить и бога и нас; вот увидишь!

— Дай-то бог!

— Правда, ей принадлежат теперь очень хорошие имена, но после того шума, который наделала злополучная история с этим проходимцем, навряд ли скоро представится другая такая же удачная партия, как господин Раскал. Знаешь, какое у него, у господина Раскала, состояние? Он приобрел на шесть миллионов имений в нашем краю, ни одно не заложено, за все заплачено чисто-ганом. Я все купчие видел! Ведь это он скупал у меня под носом все самое лучшее, да сверх того у него еще в векселях на Томаса Джона около четырех с половиной миллионов.

— Он, верно, много накрал.

— Ну, что это ты опять городишь! Он был разумен и копил там, где другие швыряли деньгами.

— Ведь он же служил в лакеях!

— Э, ерунда! Зато у него безукоризненная тень!

— Ты прав, но...

Человек в сером фраке засмеялся и посмотрел на меня. Дверь открылась, и в сад вышла Минна. Она опиралась на руку горничной, тихие слезы катились по ее прекрасным бледным щекам. Минна села в кресло, которое было вынесено для нее под липу, а отец взял стул и сел рядом. Он нежно держал Минну за руку и ласково ее уговаривал, а она заливалась горькими слезами.

— Ты у меня добрая, хорошая дочка; будь же умницей, не огорчай своего старика отца; ведь я хочу тебе счастья. Я, голубка моя, отлично понимаю, как ты потрясена. Ты просто чудом избежала несчастья! До тех пор пока не открылся вероломный обман, ты очень любила этого недостойного человека! Видишь, Минна, я это знаю и не упрекаю тебя. Я сам, деточка, любил его, пока считал знатным барином. Теперь ты видишь, как все переменялось. Подумай только! У каждого самого паршивого пса есть тень, а моя любимая, единственная дочь собиралась замуж за... Нет, ты об нем больше не думаешь. Послушай, Минна, за тебя сватается человек, которому незачем бегать от солнца. Человек почтенный, правда не сиятельный, но зато у него десятиллионное состояние, в десять раз больше, чем у тебя, с ним моя любимая девочка будет счастлива. Не возражай, не противься, будь доброй, послушной дочкой! Предоставь любящему отцу позаботиться о тебе, осушить твои слезы. Обещай, что отдашь свою руку господину Раскалу! Ну, скажи, обещаешь?

Она ответила замирающим голосом:

— У меня не осталось собственной воли, не осталось на этом свете желаний, я поступлю так, как тебе, отец, будет угодно.

Сейчас же было доложено о приходе господина Раскала, который имел наглость приблизиться к ним. Минна лежала в обмороке. Мой ненавистный спутник злобно посмотрел на меня и быстро шепнул:

— И вы это потерпите! Что течет у вас в жилах вместо крови? — Он быстро оцарапал мне ладонь, выступила кровь, он продолжал: — Ишь ты! Красная кровь! Ну, подпишите! — у меня в руках очутились пергамент и перо.

Я подчинюсь твоему приговору, любезный Шамиссо, и не буду оправдываться. Сам я уже давно осудил себя на строгую кару, ибо лелеял в сердце своем червя-мучителя. Перед моим умственным взором непрестанно предстала картина той роковой минуты в моей жизни, и я мог взирать на нее только с нерешительностью, смиренным и раскаянием. Любезный друг, кто по легкомыслию свернет хоть на один шаг с прямого пути, тот незаметно ступит на боковые дорожки, которые уведут его все дальше и дальше в сторону. Напрасно будет он взирать на сверкающие в небе путеводные звезды, у него уже нет выбора: его неудержимо влечет вниз, отдаться в руки Немезиды. После необдуманного ложного шага, навлекшего на меня проклятие, я совершил преступление, полюбив и вторгшись в судьбу другого человека. Что оставалось мне? Только одно: там, где я посеял горе, где от меня ждали быстрого спасения, очертя голову ринуться на спасение. Ибо пробил последний час. Не думай обо мне плохо, Адельберт, поверь, что любая спрошенная цена не показалась бы мне слишком высокой, что я не пожалел бы ничего из принадлежащего мне, как не жалел золота, нет, Адельберт! Но душу мою переполнила непреодолимая ненависть к этому загадочному проныре, пробирающемуся окольными путями. Может быть, я был несправедлив, но всякое общение с ним возмущало меня. И в данном случае, как уже часто в моей жизни и во всемирной истории тоже, предусмотренное уступило место случайному. Впоследствии я сам с собой примирился. Я научился серьезно уважать необходимость и то, что неотъемлемо присуще ей, что важнее предусмотренного действия, — совершившуюся случайность. Затем я научился также уважать необходимость как мудрое провидение, направляющее тот огромный действующий механизм, в который мы входим только как действующие и приводящие в действие колесишки; чему суждено свершиться, должно свершиться; чему суждено было свершиться, свершилось, и не без участия того провидения, которое я, наконец, научился уважать в моей собственной судьбе и в судьбе тех, кого жизнь связала со мной.

Не знаю, чему приписать то, что случилось, — то ли душевному напряжению под влиянием сильных пережи-

ваний, то ли истощению физических сил, которые за последние дни ослабили от непривычных лишений, то ли, наконец, присутствию злобного серого духа, близость которого возмущала все мое существо, — словом, когда дело дошло до подписи, на меня напал глубокий обморок, и долгое время я лежал словно в объятиях смерти.

Первые звуки, коснувшиеся моего слуха, когда ко мне вернулось сознание, были брань и топание. Я открыл глаза; уже стемнело, мой ненавистный спутник хлопотал около меня и ругался:

— Прямо старая баба какая-то! Ну, быстро, вставайте и делайте все по уговору, или мы передумали и предпочитаем нюнуть?

Я с трудом поднялся с земли, на которой лежал, и молча огляделся. Был поздний вечер; из ярко освещенного дома лесничего доносилась праздничная музыка, по аллеям сада группами гуляли гости. Двое подошли к нам и, продолжая беседу, сели на скамью, где до того сидел я. Они говорили о состоявшейся сегодня утром свадьбе богача Раскала с дочерью лесничего. Итак, свершилось...

Я скинул с головы шапку-невидимку, с которой вместе исчез и незнакомец, и, углубившись в дремучую поросль кустов, молча поспешил по дорожке, ведущей мимо беседки графа Петера, к выходу из сада. Но мой незримый мучитель не отставал от меня ни на шаг, преследуя своими насмешками:

— Так вот она благодарность за то, что я весь день провозился с таким слабонервным субъектом. А теперь, значит, остаюсь в дураках. Ладно же, господин упрямец, бегите, спасайтесь себе на здоровье, мы с вами все равно неразлучны! У вас мое золото, а у меня ваша тень; вот мы оба и не можем никак успокоиться. Где же это слыхано, чтобы тень отстала от своего хозяина? Ваша тень будет всюду таскать меня за вами, пока вы не смируетесь и не соблаговолите взять ее обратно, только тогда я с ней развяжусь. Смотрите, потом спохватитесь, да уж поздно будет, и со скуки и тоски сделаете то, что не удосужились сделать по доброй воле, — от судьбы не уйдешь!

Он продолжал все в том же духе; напрасно я думал спастись бегством, он не отставал и, ни на минуту не оставляя меня, насмешливо твердил о золоте и тени. У меня в голове было пусто.

Я шел, выбирая безлюдные улицы. Очутившись перед своим домом, я с трудом узнал его: за разбитыми окнами нет света, двери на запоре, в доме не слышно челяди. Невидимый громко захохотал над самым моим ухом.

— Да, да, да, вот до чего дело дошло! Но ваш Бендель, должно быть, здесь: он был предусмотрительно отпущен домой в очень измученном виде, так что он, верно, никуда не выходит! — Он снова рассмеялся. — Вот кому есть что порассказать! Ну, так и быть! На сегодня хватит, спокойной ночи, до скорого свидания!

Я позвонил несколько раз; мелькнул свет; Бендель, стоя за дверью, спросил, кто звонит. Узнав мой голос, добрый малый едва мог сдержать свою радость; дверь распахнулась, мы, рыдая, кинулись друг другу в объятия. Он очень изменился, выглядел больным и осунувшимся. А я совсем поседел.

Бендель провел меня через опустевшие комнаты в далекий, нетронутый покой; принес поесть и попить, мы сели за стол, и он снова расплакался. Он рассказал, что так далеко преследовал и так долго лупил одетого в серое сухопарого человека, которого застал с моей тенью, что в конце концов потерял мой след и, совсем обессиленный, свалился на землю, что затем, отчаявшись найти меня, вернулся домой, куда вскоре ворвалась науськанная Раскалом чернь, разбила окна и удовлетворила свою жажду разрушения. Так отплатила она своему благодетелю. Вся прислуга разбежалась. Местная полиция запретила мне, как лицу неблагонадежному, пребывание в городе и дала двадцать четыре часа на то, чтоб покинуть его пределы. Бендель добавил еще многое к тому, что было уже мне известно о богатстве и бракосочетании Раскала. Этот негодяй, от которого исходила поднятая против меня травля, должно быть с самого начала узнал мою тайну. Привлеченный, по всей вероятности, золотом, он ловко втерся ко мне в доверие и с первых же дней подобрал ключ к денежному шкафу, положившему основу его состоянию, приумножением которого он мог теперь пренебречь.

Все это поведал мне Бендель, сопровождая свои слова обильными слезами, потом он расплакался, но уже от радости, ибо после того, как долго мучился неведением, где я, снова видел меня, снова был со мной и убедился, что

я спокоен и твердо переношу свое несчастье; да, мое отчаяние приняло теперь такую форму. Мое горе представлялось мне огромным, непоправимым; плача над ним, я выплакал все свои слезы. Больше оно уже не могло исторгнуть из моей груди ни единого стога, холодно и равнодушно подставлял я ему свою беззащитную голову.

— Бендель, — сказал я, — ты знаешь мой жребий. Тяжкое наказание постигло меня за прежнюю вину. Не надо тебе, человеку безвинному, и впредь связывать свою судьбу с моей; я этого не хочу. Я уеду сегодня в ночь, оседлай мне лошадь; я поеду один. Ты останешься здесь, такова моя воля. Тут должны быть еще несколько ящиков с золотом, возьми их себе! Я один буду скитаться по белу свету; но если для меня снова наступит радостная пора и счастье мне милостиво улыбнется, я вспомню тебя, ибо в тяжелые, печальные часы я плакал на твоей верной груди.

С болью в сердце повиновался честный слуга этому последнему, повергшему его в страх приказанию своего господина.

Я остался глух к его мольбам и убеждениям, слеп к его слезам. Он подвел мне лошадь. Я еще раз прижал обливающегося слезами Бенделя к своей груди, вскочил в седло и под покровом ночи удалился от места, где похоронил свою жизнь, не заботясь, куда помчит меня конь, ибо на земле у меня не осталось ни цели, ни желання, ни надежды.

8

Вскоре ко мне присоединился пешеход, который, прошагав некоторое время рядом с моей лошадью, ибо нам было по пути, попросил разрешения положить сзади на седло свои пожитки; я молча согласился. Он поблагодарил, не придавая большого значения такой как будто бы не особо значительной услуге, похвалил мою лошадь, воспользовался случаем, чтобы с большой почтительностью отозваться о счастье и могуществе богачей, и незаметно завел своего рода самодialog, в котором я принимал участие только в качестве слушателя.

Он пространно изложил свои взгляды на жизнь и мир и очень скоро дошел до метафизики, к которой-де предъ-

явлено требование найти слово, разрешающее все загадки. Затем чрезвычайно отчетливо разъяснил эту задачу и перешел к ответу на нее.

Тебе, мой друг, известно, что, побывав в выучке у философов, я твердо убедился в своей полной непригодности к умозрительной философии и решительно отказался от этого призвания. С тех пор я до многого перестал докапываться, многое отказался познать и понять и, следуя твоему же совету, доверился своему здравому смыслу, своему внутреннему голосу и, насколько это было в моих силах, шел своим путем. Так вот мне показалось, что сей краснойбай с большим мастерством возводит крепко сложенное здание, которое, будучи в себе самом обосновано, возносится ввысь и стоит в силу внутренней необходимости. Но только я не видел в нем как раз того, что хотел бы найти, и поэтому для меня это здание было просто художественным произведением, изящная гармония и совершенство которого радовали только глаз. Тем не менее я с удовольствием слушал своего красноречивого спутника, отвлекшего меня от грустных мыслей и овладевшего моим вниманием, и он легко покори́л бы меня, если бы обращался не только к моему разуму, но и к сердцу.

Меж тем время шло, и я не заметил, как посветлело от утренней зари небо. Я обмер, когда поднял глаза и вдруг увидел, что восток окрасился великолепным пурпуром, возвещавшим скорый восход солнца, и понял, что в час, когда тени, отбрасываемые предметами, красуются во всей своей длине, мне некуда укрыться здесь, на открытом месте, негде найти защиту! А я был не один. Я взглянул на своего спутника и снова обмер. Это был человек в сером фраке. Он засмеялся, увидя мое смущение, и продолжал, не дав мне вымолвить ни слова:

— Пускай наша взаимная выгода на время нас свяжет, как это обычно бывает на свете! Расстаться мы всегда успеем. Вот эта дорога вдоль гор — по этой же дороге поспешаю и я — единственная, по которой, здраво рассуждая, вам следует ехать, хотя сами вы до этого не додумались; вниз, в долину, вам никак нельзя, а тем паче назад через горы, туда, откуда вы прибыли. Я вижу, что восход солнца вас пугает, так и быть, я одолжу вам вашу тень на то время, что мы вместе, но зато вам придется примириться с моим обществом. Бенделя при вас нет,

можете воспользоваться моими услугами. Вы меня не любите, очень жаль. Все же я могу вам пригодиться. Черт не так страшен, как его малюют. Вчера вы меня, правда, разозлили; сегодня я уже на вас зла не помню, я помог вам скоротать время в пути, это вы должны признать. Ну-ка, получайте на пробу свою тень!

Солнце взошло, по дороге навстречу нам шли люди. Я принял предложение, хотя в душе был возмущен. Усмехнувшись, опустил он на землю мою тень, которая тут же уселась на тень лошади и весело затрусилась рядом со мной. На душе у меня было смутно. Я проехал мимо группы крестьян, они, почтительно сняв шапки, дали дорогу состоятельному человеку. Я поехал дальше, с бьющимся сердцем, жадным оком взирая на тень, некогда принадлежавшую мне, теперь полученную напрокат от постороннего, мало того — от врага.

А он беззаботно шагал рядом, вот он принялся насвистывать песенку. Он шел пешком, я ехал на лошади! У меня закружилась голова; искушение было слишком велико. Я неожиданно дернул за повод, пришпорил коня и пустил его галопом по проселочной дороге. Но я не увез тени, при повороте на проселок она соскользнула с лошади и стала дожидаться своего законного хозяина. Пристыженный повернул я обратно; человек в сером фраке, спокойно досвистав свою песенку, высмеял меня, снова посадил мою тень на место и назидательно заметил, что она только тогда накрепко ко мне прилипнет и уже не отстанет, когда снова перейдет в мое законное владение.

— Я крепко держу вас за вашу тень, — закончил он. — И вам от меня не уйти! Такому богачу, как вы, тень необходима, ничего тут не поделаешь. За одно только вас следует пожурить — за то, что вы не сообразили этого раньше.

Я продолжал свой путь по большой дороге. И комфорт и даже роскошь снова были к моим услугам; я мог свободно и легко передвигаться, ибо у меня была тень, правда, данная во временное пользование, и повсюду я встречал уважение, которое внушает всем богатство, но в душе у меня была смерть. Мой удивительный спутник, выдававший себя за скромного слугу самого богатого человека на свете, был очень услужлив, бесконечно умен и ловок — можно сказать, квинтэссенция камердинера

богатого человека, но он ни на шаг не отходил от меня и все время убеждал, непрестанно высказывая твердую уверенность, что я, наконец, соглашусь на выкуп тени, хотя бы только ради того, чтобы развязаться с ним. Мне он был столь же неприятен, сколь и ненавистен. Он внушал мне страх. Я попал к нему в кабалу: теперь, вернув меня к наслаждениям жизни, от которых я бежал, он крепко взял меня в руки. Мне приходилось терпеть его болтовню, и я даже чувствовал, что он как будто прав. Богатому человеку без тени никак нельзя, и коль скоро я хочу сохранить свое положение, которым с его легкой руки я опять начал пользоваться, для меня возможен лишь этот выход. Одно только я твердо решил: после того как я пожертвовал своей любовью, после того как жизнь для меня померкла, я не хотел продавать свою душу этой погани, даже за все тени на свете. Я не знал, чем все это кончится.

Однажды мы сидели у входа в пещеру, которую обычно осматривают все иностранцы, путешествующие в здешних горах. Туда с бесконечной глубины доносится гул подземных потоков, и шум от брошенного вниз камня замирает раньше, чем камень достигнет дна. С богатой фантазией человек в сером рисовал, как уже не раз прежде, в самых блестящих красках и ярком свете тщательно обдуманые картины того, чего я могу достигнуть при помощи моего кошелька, разумеется, если опять буду распоряжаться собственной тенью. Опершись локтями о колени и закрыв лицо руками, я слушал лукавого, и сердце мое разрывалось между соблазном и твердой волей. Пребывать дольше в таком раздвоенном настроении я был не в силах и решил дать окончательный бой.

— Вы, сударь, как будто запомнили, что я вам, правда, разрешил сопровождать меня на определенных условиях, но сохранил за собой полную свободу действия.

— Если прикажете, я сейчас же заберу свое имущество.

Он часто прибегал к такой угрозе. Я не произнес ни слова; он тут же принялся скатывать мою тень. Я побледнел, но молчал и не препятствовал его занятию. Последовала длительная пауза.

Он заговорил первый:

— Вы меня не выносите, сударь, ненавидите, я знаю; но за что вы меня ненавидите? Уж не за то ли, что попали на меня среди бела дня и хотели силой отнять

гнездо? Или за то, что пытались воровским способом похитить мое добро — тень, ибо считали, что я доверил ее вашей честности? Что касается меня, я вас за это не ненавижу; я нахожу вполне естественным, что вы стараетесь воспользоваться всеми своими преимуществами, хитростью и силой. Против вашего пристрастия к самым строгим правилам и неподкупной честности я тоже ничего не имею. Я, правда, не столь принципиален: я просто действую так, как вы думаете. Разве был такой случай, чтоб я брал вас за горло, желая прикарманить вашу драгоценную тень, которую мне так хотелось заполучить? Или, может быть, я подослал к вам моего слугу за вымененным вами у меня кошельком? Или попробовал с ним удрать?

Мне нечего было возразить. Он продолжал:

— Будь по-вашему, сударь, будь по-вашему! Вы меня терпеть не можете; я понимаю и не сержусь на вас. Нам надо расстаться. Это ясно, и вы тоже уже порядком мне надоели. Итак, чтобы окончательно избавиться от моего стесняющего вас присутствия, еще раз советую вам: выкупите у меня сей предмет!

Я протянул кошелек:

— Вот этой ценой!

— Нет!

Я тяжело вздохнул и сказал:

— Ну что ж! Я настаиваю на своем, сударь, расстаемся; не становитесь мне поперек дороги, надеюсь, что на земле хватит места нам обоим.

Он усмехнулся и ответил:

— Я уйду, сударь! Но предварительно я научу вас, как мне позвонить, ежели вам когда придет охота повидать вашего покорнейшего слугу: встряхните кошельком — и все, чтобы звякнули неразменные червонцы. На этот звук я явлюсь моментально. Здесь, на земле, каждый заботится о своей выгоде, я, как вы видите, забочусь также и о вашей, ведь я несомненно даю вам в руки новую власть! Ох, какой это кошелек! Даже если бы вашу тень уже съела моль, при помощи кошелька вы крепко связаны со мной. Словом, вы держите меня за мое золото. Даже издали вы можете распоряжаться вашим слугой. Вы знаете, что я могу оказывать большие услуги моим друзьям и что с богатыми у меня особенно хорошие отношения; вы сами это видели, но вашу тень, сударь, — за-

помните это раз навсегда! — вы можете получить обратно только при одном-единственном условии!

Перед моими умственными очами возникли образы прошлого. Я быстро спросил:

— Господин Джон дал вам расписку?

— С ним мы такие друзья, что этого не потребовалось.

— Где он? Ради бога, мне надо знать!

Он нерешительно сунул руку в карман и вытащил за волосы Томаса Джона, побледневшего, осунувшегося, с синими, как у покойника, губами, шептавшего: «*Justo iudicio dei iudicatus sum; justo iudicio dei condemnatus sum*»¹. Я ужаснулся и, быстро швырнув звенящий кошелек в пропасть, обратился к моему спутнику с последним словом:

— Заклинаю тебя именем господа бога, сгинь, злой дух, и никогда больше не появляйся мне на глаза!

Он мрачно поднялся с места и сейчас же исчез за скалами, окаймлявшими заросшую густым кустарником местность.

9

Я остался без тени и без денег, но с души у меня свалилось тяжелое бремя, я был весел. Если бы я не потерял также и любовь или если бы не чувствовал, что потерял ее по собственной вине, я думаю, я мог бы даже быть счастлив. Но я не знал, что мне делать. Я обшарил все карманы и нашел несколько золотых; пересчитал их и рассмеялся. Внизу, в гостинице, я оставил лошадей; вернуться туда я стеснялся, во всяком случае надо было подождать, пока зайдет солнце; оно стояло еще высоко в небе. Я лег в тень ближайших деревьев и заснул спокойным сном.

В радужном сновидении сплетались в воздушные хороводы приятные моему сердцу образы. Вот пронеслась, ласково улыбаясь, Минна в венке на голове. Вот честный Бендель, тоже увенчанный цветами, радостно поклонился мне и исчез. Я видел еще многих друзей, толпившихся в отдалении, и, помнится, тебя тоже, Шамиссо. Все было залито светом, но ни у кого не было тени, и как ни странно, это выглядело совсем не плохо — цветы,

¹ «Праведным судом божим я был судим; праведным судом божим я осужден» (лат.).

песни, любовь и веселье под сенью пальмовых рощ. Я не мог удержать эти колеблющиеся, быстро уплывающие милые образы, не мог точно определить, кто они, но я знаю, что сон был мне приятен, и я боялся пробуждения; я уже бодрствовал, но не открывал глаз, стараясь подольше удержать в душе исчезающие видения.

Наконец я открыл глаза. Солнце еще стояло на небе, но на востоке: я проспал ночь. Я воспринял это как указание, что мне не следует возвращаться в гостиницу. С легким сердцем отказался я от тех моих пожитков, что там оставались, и решил, отдавшись на волю судьбы, пешком отправиться по проселочной дороге, вившейся у подножия поросших лесом гор. Я не оглядывался на то, что оставлял позади, и не думал также обращаться к богатому теперь Бенделю, хотя, конечно, мог это сделать. Я представил себя в той роли, которую мне теперь придется играть: одет я был более чем скромно. На мне была старая черная венгерка, которую я носил еще в Берлине и которая, сам не знаю как, снова попалась мне под руки как раз во время данного путешествия. На голове была дорожная шапка, на ногах старые сапоги. Я встал, не сходя с места срезал на память суковатую палку и тут же отправился в путь.

В лесу мне повстречался старик, который ласково со мной поздоровался и вступил в разговор. Как любознательный путник, я расспросил прежде всего про дорогу, затем про здешние места и жителей, про богатства здешних гор и еще кое о чем в том же роде. Он разумно и словоохотливо отвечал на мои расспросы. Вместе мы дошли до русла горного потока, который опустошил целую полосу леса. Я внутренне содрогнулся, когда передо мной открылось ярко освещенное солнцем пространство. Я пропустил крестьянина вперед. Но он остановился на самой середине этого опасного места и обернулся, чтоб рассказать мне, как случилось такое опустошение. Он тут же заметил, чего мне недостает, и сразу осекся:

— Да как же это так — у вас, сударь, нет тени!

— К сожалению, это так! — со вздохом сказал я. — Во время тяжелой болезни я потерял волосы, ногти и тень. Вот, взгляните, папаша, в моем возрасте новые волосы выросли у меня седыми, ногти — короткими, а тень до сих пор никак не вырастет.

— Ишь ты, — покачал головой старик. — Без тени, ой, как скверно! Верно вы, сударь, очень скверный болезнью болели.

Но он не продолжал своего рассказа и на первом же перекрестке, не сказав ни слова, покинул меня. Горькие слезы снова выступили у меня на глазах, и бодрости как не бывало.

Печально продолжал я свой путь и больше не стремился встречаться с людьми. Я углубился в самую чашу леса, а если мне случалось пересекать пространство, освещенное солнцем, я часами выжидал, чтобы не попасться на глаза человеку. По вечерам я искал пристанища где-нибудь в деревне. Собственно я держал путь на горные рудники, где рассчитывал наняться на работу под землей, ибо понял, что только напряженная работа может спасти меня от гнетущих мыслей, не говоря уже о том, что в моем теперешнем положении мне приходилось заботиться о пропитании.

Несколько дождливых дней благоприятствовали моему путешествию, но зато пострадали мои сапоги, подметки коих были рассчитаны на графа Петера, а не на пехотного солдата. Я шел уже босиком. Пришлось приобретать новые сапоги. На следующее утро я очень серьезно занялся этим делом в местечке, где была ярмарка и где в одной лавке была выставлена на продажу подержанная и новая обувь. Я долго выбирал и торговался. Пришлось отказаться от пары новых сапог: меня отпугнула их цена, которую никак нельзя было назвать дешевой. Итак, я удовольствовался старыми, но еще хорошими и крепкими сапогами, которые с приветливой улыбкой и пожеланием счастливой дороги вручил мне за наличные смазливый белокурый паренек, торговавший в лавке. Я тут же надел их и через северные ворота вышел из города.

Я был погружен в свои мысли и не замечал, где я шагаю, потому что думал о рудниках, куда надеялся попасть сегодня к вечеру, и не знал, кем там назваться. Я не сделал еще и двухсот шагов, как заметил, что сбился с пути; я стал искать дорогу: я был в глухом, вековом бору, которого, казалось, никогда не касался топор. Я прошел еще несколько шагов: я очутился среди диких скал, поросших только мхом и каменоломом, окруженных снежными полями и ледниками. Было очень холодно, я оглянулся: лес позади меня исчез. Я сделал еще не-

сколько шагов — вокруг царила мертвая тишина, под ногами у меня был лед; повсюду, насколько хватал глаз, простирался лед, на котором лежал тяжелый туман; солнце кровавым пятном стояло на горизонте. Холод был невыносим. Я не понимал, что со мной творится. Лютый мороз побудил меня ускорить шаги; я слышал только далекий гул воды; еще шаг — и я очутился на ледяном берегу какого-то океана. Бесчисленные стада тюленей бросились от меня в воду. Я пошел вдоль берега; опять я увидел голые скалы, землю, березовые рощи и еловые леса. Я пробежал еще несколько минут. Стало невыносимо жарко; я огляделся, я стоял среди хорошо обработанных рисовых полей и тутовых деревьев; я присел в их тени; посмотрел на часы, не прошло и четверти часа, как я оставил местечко, где была ярмарка, — мне показалось, что я сплю и вижу сон; чтобы проснуться, я укусил себя за язык; но я действительно бодрствовал. Я закрыл глаза, стараясь собраться с мыслями. И вдруг я услышал, как кто-то рядом произносил в нос непонятные слоги. Я открыл глаза: два китайца, которых нельзя было не узнать по азиатскому складу лица, даже если бы их нельзя было признать по одежде, обращались ко мне на своем языке, приветствуя меня по местному обычаю. Я встал и отступил на два шага. Китайцы исчезли, весь ландшафт резко изменился: вместо рисовых полей — деревья, леса. Я смотрел на деревья и цветущие травы; те, которые были мне известны, принадлежали к растениям, произрастающим на юго-востоке Азии. Я хотел подойти к одному дереву, шаг — и опять все изменилось. Теперь я зашагал медленно и размеренно, как новобранец, которого учат маршировать. Перед моим удивленным взором мелькали чудесные, все время менявшиеся луга, нивы, долины, горы, степи, песчаные пустыни. Сомнения быть не могло: на ногах у меня были семимильные сапоги.

В немой молитве, проливая благодарственные слезы, упал я на колени, ибо предо мной вдруг ясно предстала моя будущая судьба. За проступок, совершенный в молодые годы, я отлучен от человеческого общества, но в возмещение приведен к издавна любимой мною природе;

отныне земля для меня — роскошный сад, изучение ее даст мне силы и направит мою жизнь, цель которой — наука. Это не было принятым мною решением. Просто с этой поры я трудился с смиренным, строгим, неугасимым усердием, стремясь передать то, что в ясном и совершенном первообразе видел своим внутренним оком и бывал доволен, когда переданное совпадало с первообразом.

Я поднялся и, не страшась, обвел взглядом то поле, на котором собирался пожинать урожай. Я стоял на вершинах Тибета, и солнце, восход которого я видел несколько часов тому назад, здесь уже клонилось к закату.

Я прошел Азию с востока на запад, догоняя солнце, и вступил в Африку. Я с любопытством огляделся в ней, несколько раз измерив ее во всех направлениях. Пройдя Египет, где я дивился на пирамиды и храмы, я увидел в пустыне, неподалеку от стовратных Фив, пещеры, в которых спасались христианские отшельники; и вдруг для меня стало ясно и несомненно: здесь твой дом. Я выбрал себе для жилья самую скрытую и в то же время поместительную, удобную и недоступную шакалам пещеру и продолжал свой путь.

У Геркулесовых столпов я перешагнул в Европу и, бегло осмотрев ее южные и северные провинции, через Северную Азию и полярные льды попал в Гренландию и Америку, пробежал по обеим частям этого материка, и зима, уже воцарившаяся на юге, быстро погнала меня с мыса Горн на север.

Я подождал, пока в Восточной Азии рассветет, и, отдохнув, двинулся дальше. Я шел через обе Америки по горной цепи, в которой расположены высшие известные нам точки земного шара. Медленно и осторожно ступал я с вершины на вершину, по пышущим огнем вулканам и снежным пикам, часто дыша с трудом; я дошел до горы св. Ильи и через Берингов пролив перепрыгнул в Азию. Оттуда я двинулся по ее восточному, очень изрезанному побережью, особенно тщательно обдумывая, какие из расположенных там островов могут быть мне доступны. С полуострова Малакка мои сапоги перенесли меня на Суматру, Яву, Бали и Ломбок. Я попытался, не раз подвергаясь опасности и все же безуспешно, проложить себе путь на северо-запад, на Борнео и другие острова того же архипелага, через мелкие острова и рифы, которыми ошетинилось здесь море. Я должен был

отказаться от этой надежды. Наконец я уселся на крайней оконечности Ломбока и заплакал, глядя на юг и восток, ибо почувствовал себя как за решеткой тюрьмы, — слишком скоро я обнаружил положенный мне предел. Чудесная Новая Голландия, столь существенно необходимая для познания земли и её сотканного солнцем покрова — растительного и животного мира, — и Индийский океан с его коралловыми островами были мне недоступны, и, значит, уже с самого начала все, что я соберу и создам, обречено остаться только отрывочным знанием. О Адельберт, как тщетны усилия человека!

Часто, когда в южном полушарии свирепствовала лютая зима, пытался я пройти от мыса Горн через полярные льды на запад те двести шагов, которые отделяли меня от Земли Вандимена и Новой Голландии, не думая об обратном пути, — пусть даже этой узкой печальной полоске суши суждено сомкнуться надо мной, как крышке гроба, — с безумной отвагой отчаяния перепрыгивал я с одной дрейфующей льдины на другую, не отступая перед стужей и морем. Напрасно — я все еще не попал в Новую Голландию! Всякий раз я возвращался обратно на Ломбок, садился там на край мыса и снова плакал, глядя на юг и восток, ибо чувствовал себя как за решеткой тюрьмы.

Наконец я все же покинул этот остров и с грустью в сердце вступил на Азиатский континент; затем, догоняя утреннюю зарю, я прошел на запад и еще ночью пришел домой, в Фиваиду, откуда вышел накануне вечером.

Я немного отдохнул, но как только над Европой взошел день, сейчас же озаботился приобретением всего необходимого. Прежде всего мне нужна была тормозящая обувь, ибо я испытал, как неудобно, чтоб сократить шаги, разуваться каждый раз, когда хочешь не спеша рассмотреть близкий объект. Пара туфель поверх сапог вполне оправдала мои ожидания; впоследствии я всегда брал с собой две пары, так как часто сбрасывал туфли с ног и не успевал подобрать, когда львы, люди или гиены спугивали меня во время собирания растений. Прекрасные часы на короткое время моих путешествий вполне заменяли мне отличный хронометр. Мне не хватало еще сектанта, нескольких физических приборов и книг.

Чтоб обзавестись всем этим, мне пришлось со страхом в сердце совершить несколько прогулок в Лондон и Париж, к счастью как раз окутанные благоприятствовавшим мне туманом. Когда остатки волшебного золота были исчерпаны, я стал расплачиваться слоновой костью, которую нетрудно было раздобыть в Африке, причем я, конечно, выбирал самые маленькие клыки, сообразуясь со своими силами. Вскоре я был хорошо снаряжен и всем обеспечен и, не откладывая, начал новую жизнь не связанного службой ученого.

Я бродил по земле, то измеряя ее высоты, температуру воды и воздуха, то наблюдая животных, то исследуя растения; я спешил от экватора к полюсу, из одной части света в другую, сравнивая добытые опытным путем сведения. Пищей мне обычно служили яйца африканского страуса или северных морских птиц и плоды, преимущественно тропических пальм и бананов. Недостающее счастье в какой-то мере заменяла никотиана, а человеческое участие и близость — любовь верного пуделя, который охранял мою фивайдскую пещеру и, когда я возвращался домой, нагруженный сокровищами, радостно выбежал навстречу и по-человечески давал мне почувствовать, что я не одинок на земле. Но мне еще суждено было снова встретиться с людьми.

11

Однажды, когда я, затормозив свои сапоги, собирал на побережье Арктики лишайники и водоросли, навстречу мне из-за скалы неожиданно вышел белый медведь. Сбросив туфли, я хотел шагнуть на торчащий из моря голый утес, а оттуда на расположенный напротив остров. Я твердо ступил одной ногой на камень и бултыхнулся по другую его сторону в море, не заметив, что скинул туфлю только с одной ноги.

Меня охватил ледяной холод, с трудом удалось мне спастись; как только я добрался до суши, я во весь опор помчался в Ливийскую пустыню, чтоб обсушиться на солнышке. Но оно светило во все лопатки и так напекло мне голову, что я, совсем больной, чуть держась на ногах, опять побрел на север. Я пытался найти облегчение в дви-

жении и, неуверенно, но быстро шагая, метался с запада на восток и с востока на запад. Я попадал то в ясный день, то в темную ночь, то в летний зной, то в зимнюю стужу.

Не помню, как долго скитался я так по земле. Тело мое сжигала лихорадка; в страхе чувствовал я, что сознание покидает меня. К несчастью еще, мечась наобум, я имел неосторожность наступить кому-то на ногу. Сильный толчок — и я упал наземь.

Когда я пришел в себя, я удобно лежал на хорошей кровати, стоявшей вместе с другими кроватями в просторной и красивой палате. Кто-то сидел у моего изголовья. По комнате от кровати к кровати ходили какие-то люди. Они подошли ближе и стали говорить обо мне. Меня они все время называли «Номер двенадцатый», и на стене, в ногах кровати, — нет, я не грезил, я не ошибался, — на черной мраморной доске большими золотыми буквами было совершенно правильно написано мое имя:

ПЕТЕР ШЛЕМИЛЬ

На доске под моей фамилией стояли еще две строчки, но я слишком ослаб и не мог их разобрать. Я снова закрыл глаза.

Я слышал, как кто-то громко и явственно что-то читает, как упоминается Петер Шлемиль, но смысла уловить не мог. К моей кровати подошел приветливый господин с очень красивой дамой в черном платье. Их облик был мне знаком, но припомнить, кто это, я не мог.

Прошло некоторое время, силы опять вернулись ко мне. «Номер двенадцать» — это был я; из-за длинной бороды «Номер двенадцать» был сочтен за еврея, однако от этого уход за ним был не менее заботлив, чем за другими. Казалось, никто не заметил, что у него нет тени. Мои сапоги вместе со всем, что было при мне, когда я сюда попал, находятся, как меня уверили, в полной сохранности и будут мне возвращены, когда я поправлюсь. Место, где я лежал, называлось «Шлемилиум»; то, что ежедневно читалось о Петере Шлемиле, было напоминанием и просьбой молиться за него, как за основателя и благодетеля данного учреждения. Приветливый господин, которого я видел у своей постели, был Бендель, красивая дама — Минна.

Я поправлялся в Шлемилиуме, никем не узнанный, и услышал еще следующее: я находился в родном городе Бенделя в больнице моего имени, которую он основал на остаток моих проклятых денег, но здесь больные меня не кляли, а благословляли; Бендель же и управлял больницей. Минна овдовела; неудачно окончившийся процесс стоил господину Раскалу жизни, ей же пришлось заплатить почти всем своим состоянием. Ее родителей уже не было в живых. Она вела жизнь богобоязненной вдовы и занималась делами благотворительности.

Раз, стоя у постели «Номера двенадцатого», она разговаривала с Бенделем.

— Почему, сударыня, вы так часто рискуете здоровьем, подолгу дыша здешним вредным воздухом? Неужели же судьба так к вам жестока, что вы ищете смерти?

— Нет, господин Бендель, с той поры как я доглядела мой страшный сон и проснулась, у меня на душе хорошо, с той поры я уж не хочу смерти и не боюсь умереть. С той поры я бодро смотрю на прошлое и будущее. Ведь вы тоже, выполняя такое богоугодное дело, служите теперь нашему господину и другу с спокойной сердечной радостью.

— Слава богу, да, сударыня, и как же все удивительно получилось; мы, не задумываясь, пили из полной чаши и радость и горе. И вот чаша пуста; невольно думается, что все это было только испытанием, и теперь, вооружившись мудрой рассудительностью, надо ожидать истинного начала. Это истинное начало должно быть совсем иным, и не хочется возврата того, первого, и все же в общем хорошо, что пережито то, что пережито. К тому же у меня какая-то внутренняя уверенность, что нашему старому другу сейчас живется лучше, чем тогда.

— И у меня тоже, — согласилась красавица вдова, и оба прошли дальше.

Их разговор произвел на меня глубокое впечатление; но в душе я колебался, открыться ли им или уйти не открывшись. И вот я пришел к определенному решению. Я попросил бумаги и карандаш и написал:

«Вашему старому другу тоже живется сейчас лучше, чем тогда: правда, он искупает сейчас свою вину, но это очистительное искупление».

Затем я попросил дать мне одеться, так как чувствовал себя значительно крепче. Мне принесли ключ от шкафчика, стоявшего возле моей постели. Там я нашел все мое имущество. Я оделся, повесил через плечо поверх черной венгерки ботанизирку, в которой с радостью обнаружил собранный мной на севере лишайник, обул сапоги, положил записку на кровать, и не успела открыться дверь, как я уже шагал в Фиваиду.

И вот, когда я шел вдоль Сирийского побережья по той самой дороге, по которой в последний раз отправился из дому, я увидел моего бедного Фигаро, бежавшего мне навстречу. Верный пудель, заждавшись хозяина, должно быть отправился его разыскивать. Я остановился и кликнул Фигаро. Он с лаем кинулся ко мне, бурно проявляя свою бескорыстную, трогательную радость. Я подхватил его подмышку, потому что он не поспел бы за мной, и вместе с ним возвратился в свою пещеру.

Там я нашел все в порядке и постепенно, по мере того как крепили силы, вернулся к своим прежним занятиям и к прежнему образу жизни. Только целый год избегал совершенно невыносимых теперь для меня полярных холодов.

Итак, любезный Шамиссо, я жив еще и по сей день. Сапоги мои не знают износу, хотя сперва я этого очень опасался, принимая во внимание весьма ученый труд знаменитого Тикуса «*De rebus gestis Policilli*»¹. Сила их неизменна; а вот мои силы идут на убыль. Однако я утешаюсь тем, что потратил их не зря и для определенной цели: насколько хватило прыти у моих сапог, я основательнее других людей изучил землю, ее очертания, вершины, температуру, изменения климата, явления земного магнетизма, жизнь на земле, особенно жизнь растительного царства. С возможной точностью в ясной системе я установил в своих работах факты, а выводы и взгляды бегло изложил в нескольких статьях. Особенное значение я придаю своим исследованиям земного магнетизма. Я изучил географию центральной Африки и Арктики, Средней Азии и ее восточного побережья. Моя «*Historia stirpium plantarum utriusque orbis*»² является значительной частью моей же «*Flora universalis terrae*»³ и одним

¹ «О деяниях мальчика с пальчика» (лат.).

² «История видов растений Старого и Нового света» (лат.).

³ «Вся флора земного шара» (лат.).

из звеньев моей «Systema naturae»¹. Я полагаю, что не только увеличил, скромно говоря, больше чем на треть число известных видов, но, кроме того, внес свой вклад в дело изучения естественной истории и географии растений. Сейчас я усердно тружусь над фауной. Я позабочусь, чтобы еще до моей смерти мои рукописи были пересланы в Берлинский университет.

А тебе, любезный Шамиссо, я завещаю свои необычайные приключения, дабы, когда я уже покину сей мир, они могли послужить людям полезным назиданием. Ты же, любезный друг, если хочешь жить среди людей, запомни, что прежде всего тень, а уж затем деньги. Если же ты хочешь жить для самоусовершенствования, для лучшей части своего «я», тогда тебе не нужны никакие советы.

1813

¹ «Система природы» (лат.).

ПРИМЕЧАНИЯ

Повесть «Необычайные приключения Пётера Шлемиля» увидела свет в 1813 году. Ее герою Шамиссо придали некоторые автобиографические черты. Однако глубокий философский смысл этой символической повести выводит ее за пределы иронически переосмысленной автобиографии. Интересно происхождение имени главного героя.

В первой редакции повести героя звали не Петер, а В. А. Шлемиль; существует предположение, что «В. А.» — это переставленные инициалы А. В. Шлегеля, одного из вождей немецкого реакционного романтизма, в адрес которого сатирически направлена вся повесть Шамиссо.

Объясняя имя своего героя, Шамиссо писал в письме от 17 марта 1821 года брату своему Ипполиту, переводчику повести на французский язык:

«Шлемиль, или, вернее, Шлемиель, — еврейское имя; оно значит то же, что Готлиб, Теофиль или aimé de Dieu («любимый богом». — *Ред.*). В обиходной речи евреев это имя служит для обозначения неловких или неудачливых людей, которым в жизни не везет. Такой Шлемиль ломает палец, сунув его в жилетный карман, он падает навзничь и ухитряется при этом сломать себе переносицу, он всегда является нектати. О Шлемиле, имя которого вошло в поговорку, в Талмуде говорится, будто он состоял в связи с женой раввина, был застигнут на месте преступления и убит. Комментарий обращает внимание на бедствия Шлемиля, который должен дорого платить за то, что другому сошло бы безнаказанно». (Письмо это впервые напечатано в книге К. Фульда «Шамиссо и его время», Лейпциг, 1881.) См. в связи с этим стихотворение Г. Гейне «Иегуда бен Галеви» из цикла «Еврейские мелодии».

Слово «Шлемиль» из еврейского языка проникло в немецкий со значением «горемыка», «растяпа».

Стр. 11. ...в нашу «зеленую» эпоху... — намек на издаваемый друзьями Шамиссо «Альманах муз», который они называли «зеленым».

...нашему Фуке... — Барон Фридрих де ла Мотт-Фуке (1777—1843) — поздний немецкий романтик, автор фантастических рыцарских романов и знаменитой сказки «Ундины», близкий друг Шамиссо. Он без разрешения автора впервые опубликовал рукопись, первоначально предназначенную лишь для распространения среди узкого круга лиц.

Стр. 12. Жан-Поль — псевдоним Иоганна-Пауля Рихтера (1763—1825), известного немецкого сатирика и юмориста.

...возможно, упоминаются и ныне здравствующие люди... — образу Шлемиля Шамиссо придал автобиографические черты, одновременно сатирически направляя его против А. В. Шлегеля. Слуга Бендель имел прототипом близкого друга автора — Гитцига. Образы Фанни и Минны восходят, как это доказали биографы и исследователи творчества Шамиссо, к возлюбленной автора — С. Дюверне.

Фр. Леопольд — мало известный литограф и гравер, современник Шамиссо.

Стр. 17. ...бесконечный простор океана. — Действие происходит в Гамбурге.

Доллонд — подзорная труба (по имени английского оптика XVIII века Джона Доллонда).

Стр. 20. Разрыв-трава и проч. — Здесь перечисляются популярные мотивы немецких народных сказок и легенд. В цитированном выше письме к брату Ипполиту от 17 марта 1821 года Шамиссо сам разъясняет своему переводчику на французский язык: «Разрыв-трава открывает все двери и отпирает все замки. Ее знает черный дятел (*picus martius*). Он вьет себе гнездо в дупле деревьев; когда он улетает, нужно заткнуть дыру. Он достает травку, чтобы попасть к себе в гнездо, его надо поймать и отнять траву. *Alraunwurz* — это, кажется, мандрагора. О нем есть много разных рассказов; его очень трудно раздобыть; он помогает находить клады. Пфенниги-перевертыши — это медные денешки, которые всякий раз, как их перевертываешь, производят золотую монету. Талер-добытчик — это талер, который неизменно возвращается к своему хозяину и приносит ему все монеты, с которыми он соприкоснулся. Скатерть-самобранка покрывается сама всеми блюдами, которые только потребуешь от нее... Чертик в бутылке... исполняет все, что тебе угодно и что ты ему прикажешь. Его можно купить за деньги, но продать

его можно лишь за более низкую цену, чем та, что ты за него дал. Он имеет право завладеть своим последним хозяином, который не в силах от него отделаться, потому что цена стала слишком низкой».

Волшебная шапка Фортунато и его кошелек взяты из народной книги об этом герое. Шапка делает человека невидимым, кошелек всегда содержит неиссякающий запас золотых монет.

Стр. 23. *Галлер, Гумбольдт, Линней*. — *Галлер* Альбрехт (1708—1777) — швейцарский естествоиспытатель; *Гумбольдт* Александр (1769—1859) — немецкий путешественник и естествоиспытатель; *Линней* Карл (1707—1778) — выдающийся шведский натуралист.

«*Волшебное кольцо*» — рыцарский роман де ла Мотт-Фуке, который создал популярность автору.

...некоего Бенделя... — Это имя носил и слуга Шамиссо, сопровождавший своего хозяина во время военной кампании 1806 года.

Стр. 26. *Подобно Фаффнеру, стерегущему клад...* — В немецких легендах *Фаффнер* — дракон, стороживший клад и убитый сказочным богатырем Зигфридом.

Стр. 29. *Раскал*. — В письме к брату Шамиссо подчеркивал, что это имя выбрано им для одного из своих персонажей потому, что слово «gascal» значит на английском языке «мошенник», «подлец».

Стр. 32. *Дублон* — старинная испанская золотая монета (7,5 грамма золота).

Стр. 34. *Мир никогда не имел основания жаловаться на недостаток монархов, а в наши дни особенно...* — Иронический намек на реальную обстановку 1813—1814 годов в Европе. Как известно, Наполеон сознательно дробил европейские государства, создавая повсюду микроскопические монархии, тем самым осуществляя свой политический принцип — «разделяй и властвуй».

Стр. 40. *Дочь превратилась, подобно Аретузе, в ручей слез...* — В греческой мифологии *Аретуза* — нимфа, которая, спасаясь от преследовавшего ее речного бога Алфея, превратилась в источник.

Стр. 46. *Гнездо-невидимка* — распространенный мотив в немецкой народной сказке.

Стр. 62. *Стовратные Фивы* — один из самых знаменитых городов древнего Египта, от которого сохранились ныне величественные развалины. В окрестностях его (так называемой Фиваиде) в первые века н. э. жили христианские отшельники.

Гора св. Ильи — одна из самых высоких гор Аляски.

Бали — самый западный остров Малого Зондского архипелага.

Ломбок — один из островов Малого Зондского архипелага.

Стр. 63. *Новая Голландия* — старинное название Австралии.

Секстант — угломерный инструмент, применяющийся при наблюдении высот небесных светил для определения местонахождения корабля.

Стр. 64. *Никотиана* — табак.

Стр. 67. *...труд знаменитого Тикиуса...* — Имеется в виду повесть немецкого романтика Людвига Тика: «Жизнь и деяния маленького Томаса, по прозвищу «Мальчик с пальчик» (1811). У Тика тоже фигурируют семимильные сапоги; но после каждой починки они теряли одну милю, так что в конце концов превратились в обычные сапоги. У Шлемиля сапоги не теряют своих волшебных свойств.

Е. Эткинд

90 к.

ГОСЛИТИЗДАТ

1955